ПАВЕЛЕЦКИЙ ВОКЗАЛ
Остросюжетная повесть для чтения и кино

РАМИЗ ФАТАЛИЕВ

27 октября 2007 г.

Оглавление

1 Вместо пролога 1

2 Спустя десять месяцев.
Чердак жилого дома в центре москвы 5

3 Центральный офис одной из спецслужб российской федерации (ЦОСС) 8

4 Садовое кольцо, близ павелецкого вокзала 10

5 ЦОСС 11

6 Садовое кольцо, там же 13

7 Телекомпания 15

8 ЦОСС 16

9 Павелецкий вокзал 18

10 Улицы города 20

11 Телекомпания 21

12 Поезд 23

13 ЦОСС и поезд 24

14 Поезд 26

15 Павелецкий вокзал 28

16 Аэропорт «Домодедово» 29

17 Улицы города 30

18 Поезд и ЦОСС 32

19 Шоссе. Передняя «Волга» и «Фольксваген» 36

20 Телекомпания. Аппаратная 38

21 Шоссе. «Фольксваген» 39

22 ЦОСС 41

23 Ташкент. Саммит глав государств 43

24 ЦОСС и поезд 44

25 ЦОСС 46

26 Павелецкий вокзал 48

27 Телекомпания. Аппаратная, коридор 49

28 ЦОСС. Техническое помещение 50

29 Поезд 51

30 Аэропорт «Домодедово» 53

31 ЦОСС. Отдел кадров 55

32 Поезд 57

33 Ташкент. Саммит глав государств 58

34 ЦОСС 59

35 Поезд 60

36 Шоссе. Передняя «Волга», «Фольксваген» 62

37 ЦОСС 64

38 Шоссе. Передняя «Волга» 65

39 Поезд 66

40 ЦОСС 67

41 Железнодорожный переезд. Передняя «Волга», «Фольксваген» 68

42 Поезд 69

43 Передняя «Волга» 71

44 ЦОСС 72

45 Поезд 73

46 Передняя «Волга», «Фольксваген» 75

47 Поезд 76

48 ЦОСС 78

49 Аэропорт «Домодедово». Железнодорожный перрон 79

50 Вне поезда. «Волги». Террористка 80

51 Вместо эпилога 81

Автор не утверждает, что такое когда-либо происходило.
Автор не утверждает и обратного — такое вполне могло произойти.
Автор утверждает, что не хочет, чтобы такое происходило — ни в прошлом, ни в будущем.

(Автор доводит до сведения читателей, что идею создания данного произведения он делит со своим коллегой и другом Энвером Мансуровым, а также выражает благодарность Эльчину Исакову за помощь в сборе материала)

Глава 1

Вместо пролога

— Шестой, я первый, что у вас?

— Слышу, первый, я шестой, пока ничего.

— Второй, третий, отвечайте, я первый. Объекту пора появиться.

— Первый, я второй. Объекта пока нет.

Несмотря на синоптиков и их предсказания, лето десантировалось в Москву где-то в середине мая и под руководством самой высокотемпературной планеты в системе имени ее же прогрело в течение десяти-двенадцати дней абсолютно все, что не возбраняет подвергать подобному процессу известная всем, — так, во всяком случае, все склонны считать, — наука под названием физика.

Солнце палило и плавило массу субстанций, полярными точками которых можно было бы условно определить, к примеру, асфальт, — там, где он был, разумеется, — и, тоже к примеру, мозги — у тех у кого они были, естественно.

— Третий, приглядывай за четвертым, он новичок.

— Слышу, первый, я четвертый, в опеке не нуждаюсь.

— Первый лучше знает, кто в чем нуждается.

— Ну-ну, разговорчики в эфире!

В районе Мясницкой улицы и окрест ее должны были появиться преступники. На асфальте, понятное дело. Поскольку он был здесь практически везде. Для борьбы с преступниками и их последующего обезвреживания были задействованы очень неплохие мозги — вместе с носителями, конечно.

И то, и другое подвергалось температурному воздействию. С прямо противоположным эффектом. Асфальт шевелился тем больше, чем больше плавился, мозги — с точностью до наоборот: чем больше плавились, тем меньше шевелились.

— Первый, я третий. Вижу отца мальчика.

— Первый, я шестой. Микроавтобус подъехал. Объект вышел.

Тот, которого назвали отцом ребенка, подъехал на Мясницкую на собственном «мерседесе». Припарковался возле магазина «Чай». Вышел с портфелем типа «дипломат» и тут же стал беспокойно озираться. Затем перебежал дорогу и остановился, беспрестанно глядя в сторону главпочтамта.

— Я первый, всем — готовность номер один.

У главпочтамта трое рабочих в униформах разгружали фургон с посылками. Неподалеку, за своим лотком, стоял продавец мороженого в большом, расписанном многочисленными названиями его товара фартуке. Вдоль боковой стены почтамта выстроился длиннющий лоток с книгами, продавцов тут было сразу двое. У тротуара, почти рядом с ними, толстый мужчина в очках, пыхтя и потея, менял колесо своей «Волги». К нему подошла нищенка с торбой, попросила милостыню, он ворчливо отмахнулся.

Прямо впритык к «Волге» стоял «Москвич». Водитель был на месте, в майке и темных очках — спал, уронив голову на грудь.

— Первый, я шестой. Объект идет к месту встречи.

Речь шла о мужчине, вышедшем из микроавтобуса. Последний въехал в Костянский переулок только что, обогнул стандартный, металлический мусорный бак и остановился метров за десять до перпендикулярного переулку Сретенского бульвара. Мужчина - он весь был в белом, от кроссовок до легкого кепи на липучке, — повернул по бульвару налево и направился к Мясницкой, для этого ему нужно было миновать высотное здание «ЛУКойла» и перейти по диагонали дорогу.

В вышеупомянутом мусорном баке копались два бомжа, в соответствии со своим статусом — небритых и неопрятных. Когда подъехал микроавтобус, один из них взглянул на него с усталой завистью. А другой проводил взглядом мужчину, появившегося из него, — видимо, он когда-то мечтал быть точно таким же с головы до ног белым. В смысле одежды.

Оба бомжа буквально обливались потом. Во-первых, они трудились, исследуя этот бак, уже давно. Во-вторых, были одеты не по погоде. Что и понятно — бомжи, по определению, вынуждены носить все свое с собой. И на себе.

Поэтому они решили отойти на противоположный тротуар. В тень, отдохнуть.

Из микроавтобуса, стекла которого были затемнены с внешней стороны, за передвижением бомжей проследил небритый, со шрамом на лбу, мужчина.

Напротив мужчины сидел мальчик лет семи. В светлых, легких джинсиках и ковбойке навыпуск.

Он сидел молча, опустив голову, и старался не шевелиться.

Ему не нравилось так сидеть.

Но ему это было велено. Строго-настрого. Чужим и очень противным дядей, который сидел напротив.

— Первый, я девятый. Объект вышел на Мясницкую.

— Всем, я первый. Повторяю. Готовность номер один.

Снайперов было четверо: на крыше административного здания нефтяной компании «ЛУКойл», на крыше противоположного, — через бульвар, — жилого дома, на верхнем этаже здания, примыкающего к магазину «Чай», и на чердаке главпочтамта.

У трех из них были ,«персональные» объекты. И все три объекта сейчас находились в центре прицела — вычерченного в оптическом устройстве обычного круга с небольшой буквой «т» на нижней оконечности. Объектами были — микроавтобус, якобы спящий водитель «Москвича» и мужчина в белом — прицел перемещался вместе с ним.

Четвертый снайпер персонального объекта не имел и должен был действовать по необходимости.

— Первый, я третий. Объект проходит почтамт.

Углядел мужчину в белом и беспокойный владелец «дипломата». Сделал было движение ему навстречу, но сдержал себя — вспомнил, видимо, данные ему инструкции.

Все дальнейшее произошло достаточно быстро и заняло не более минуты времени. Когда мужчина в белом прошел отрезок тротуара, параллельный входу в главпочтамт, один из продавцов книг покинул свое место и направился за ним.

— Первый, четвертый пошел за объектом.

— Четвертый, я первый, немедленно вернись!

Продавец нерешительно остановился. Обернулся назад, затоптался странно.

Все это мгновенно усек «спящий» в «Москвиче». Стал быстро набирать по мобильнику номер, продолжая, впрочем, находиться под снайперским прицелом. Из тех, кто находился поблизости, поведение водителя «Москвича» заметил только мороженщик, сунул руку в лоток.

— Первый, объект у цели.

Мужчина в белом подошел к мужчине с «дипломатом», что-то сказал. Тот молча протянул ему портфель.

— Первый, я шестой, «Москвич» нас срисовал, звонит по телефону, — быстро сказал мороженщик и, заметив, что водитель уже произнес пару слов по телефону, приказа дожидаться не стал, выхватил из лотка руку с пистолетом и, не целясь, навскидку, выстрелил — водитель стал валиться набок.

— Черт, приступить к захвату!

Все сорвались со своих мест одновременно — рабочие в униформах, продавцы книг и мороженого, — это на Мясницкой, — и два бомжа — это уже в Костянском переулке.

Мужчина в белом сориентировался мгновенно — бросил в одного из набегающих «дипломат», прыгнул на асфальт, перекатился, — снайпер не успел за ним, — и, пригибаясь, ловко лавируя среди потока машин, устремился к чайному магазину. Один из «рабочих» почти догнал его, но нищенка, успевшая переместиться за это время на противоположный тротуар, с невероятной прытью прыгнула к нему, сделала подсечку, одновременно выхватив из торбы оружие и выстрелила в него, уже в падающего. Она успела бы выстрелить и в следующего из преследователей, но тут ее взял в прицел и дважды достал снайпер — первая пуля вошла ей в щеку, рядом с носом, запрокинув ей голову, а вторая — в шею.

Мужчина в белом чуть было не ушел. Он перегородил дорогу одной из машин с женщиной за рулем, рванул переднюю дверцу, выдернул из салона хозяйку, но когда садился на ее место, с заднего сиденья на него прыгнул не замеченный им бульдог чистокровной английской породы, а тут и люди подоспели.

Бомжи, в свою очередь, добрались до микроавтобуса в несколько прыжков, но он рванул с места раньше, поехал прямо на них, они отпрянули, но один успел уцепиться за ручку двери, его протащило пару десятков метров, но, поняв, что он неминуемо врубится в одну из припаркованных по дороге машин, он отпустил руку сам.

А на следующем углу из микроавтобуса на полном ходу выбросили маленькое, уже безжизненное тело в джинсах и ковбойке.

По Мясницкой метался мужчина, приехавший на «мерседесе», и кричал на всех, кто оказывался в его поле зрения:

— Это вы убили моего мальчика! Я вам доверился, а вы убили его! Будьте вы прокляты!

Это случилось в один из самых знойных дней прошлогоднего московского лета.

Глава 2

Спустя десять месяцев. Чердак жилого дома в центре москвы

Телевизор был настолько старенький, что более заслуживал звания раритета, нежели заурядного электронного устройства — во всяком случае, к первому он был гораздо ближе, чем ко второму.

Но исправно показывал. И вполне позволял разглядеть и услышать двух собеседников на экране — известного всей стране телеведущего и его визави с двумя вышитыми звездами на адмиральских погонах.

Прочитывалась даже надпись в правом нижнем углу кадра — согласно ей, передача шла в прямом эфире.

— Женщины — это наш уют, наш покой, наш, если можно так выразиться, надежный тыл, — говорил вице-адмирал. — Именно они вдохновляют нас на подвиги:

— Стоп, стоп, стоп. Извините, прерву. — Ведущий был из тех, кто стремился обострить самый тривиальный разговор, это было составной частью его имиджа. — Вы это говорите сегодня, накануне Международного женского дня, потому, что именно этого от вас и ждут, господин адмирал, а вот как быть с некоторыми вашими профессиональными примочками?

— Примочками? — растерялся адмирал. — Какими примочками?

— Обыкновенными. Дискредитирующими тех самых женщин, о которых вы так патетически сейчас говорили. Ну, например. — Ведущий сделал вид, что подыскивал пример, хотя, как всегда, продумал все узловые точки беседы загодя. — Вот «Женщина на корабле — к беде», — процитировал он. — Это ваше профессиональное убеждение или просто поверье?

Телевизор стоял в углу чердака большого многоквартирного дома в центре Москвы. Крошечная часть огромного захламленного пространства была расчищена и приспособлена под некое подобие жилья — диван, пара кресел, журнальный столик, телевизор, электроплитка, минимум посуды.

Самовольным квартиросъемщиком, — и в данный момент зрителем телепередачи, — был бомж, мужчина трудно определяемого возраста, с лишенными национальных признаков чертами лица, заросший щетиной и не совсем трезвый.

Он сидел в кресле, левую ножку которого заменял деревянный брусок, поперечно вдвинутый в небольшую щель в боковой стене чердака, смотрел на экран и думал о своем.

Шаги в противоположном конце чердака он услышал и узнал одновременно, потому и не обеспокоился.

— Привет, Гудрон, — сказал гость.

— Здравствуй, Тарзан, — откликнулся бомж.

Гость был помоложе и покрепче, но такой же помятый и небритый. Он молча выложил на столик бутылку водки, пару огурцов и одно яблоко.

— Обогател? — поинтересовался хозяин чердака.

— Да так. Помог одному хмырю мебель разгрузить. — Гость осторожно уселся во второе кресло, оно и вовсе было лишено ножек, держалось на двух кирпичных пирамидах. — О чем треплются? — Это уже относилось к телепередаче.

— А я и не слушал. Я думал. Сказать, о чем?

— Скажи, брательник. А потом выпьем.

— Я сегодня выяснил, что мы с ним ровесники. Год в год.

— С кем?

— С телевизором. Там пластина есть сзади, год выпуска указан.

— Ну и? — Гость откупорил бутылку, разлил водку по стаканам. — И подумал о том, что нас не только возраст объединяет. В сущности, что есть телевизор? Телесная оболочка и кое-какие провода и лампы, обеспечивающие необходимую жизнедеятельность. А что есть я? Абсолютно то же самое, разве не так?

Гость рассмеялся.

— Пока не выпью — не въеду. — Он протянул собеседнику стакан.- Но понимаю, что для тоста не годится. Давай лучше за женщин, Гудрон, у них завтра праздник.

— Давай, — легко согласился бомж, потянулся за стаканом и тут же потерял равновесие, чуть не упал, удержался в последний момент — это брусок выскользнул из щели и лишил кресло левой опоры. — Тьфу, опять двадцать пять.

Он сполз на колени, стал искать брусок, закатившийся куда-то.

— Помочь?

— Да нет. Нашел. — Глаза у бомжа оказались на уровне щели, и, прежде чем сунуть брусок на место, он невольно заглянул в нее. — А вот, кстати, и женщина, — сказал он.

И застыл. В самой неудобной позе, которую только можно для человека придумать.

Тот, кого он назвал Тарзаном, снова засмеялся.

— Она что — голая? — Он продолжал держать в руках оба стакана.

Бомж не ответил. Не шелохнулся даже.

Гость с недоумением отставил стаканы на столик.

В телевизоре ведущий продолжал наседать на своего собеседника.

Адмирал неумело отбрыкивался, но по его виду было ясно, что он с удовольствием взял бы в руки кортик.

Хозяин чердака наконец-то откинулся от стены. Но как-то странно, очень медленно, забыв про брусок, про гостя, оставшись сидеть на полу и уставясь в пространство невидящим взглядом.

Гость среагировал на это с неадекватным проворством — почти прыгнул на пол, прильнул глазом к щели. Успел увидеть три пары ног, женскую — в обуви синего цвета, на деревянной платформе, — и две мужских — в лакированных ботинках и кроссовках. Все три пары ног заходили в это время в лифт с лестничной площадки последнего этажа. Прозвучала пара глухих реплик, дверь лифта закрылась.

Тарзан обернулся к бомжу.

Тот был хмур, бледен и абсолютно трезв.

— Что случилось? — с неосознанной тревогой спросил гость.

— Я их разговор услышал, — сказал бомж.

— Не на нашем, вроде, говорили, — сказал гость.

— На нашем, — сказал бомж. — На моем, — уточнил он. И добавил. — Беда.

Спустя пару минут Тарзан уже метался вокруг дома — на улице, во дворе, на автостоянке, расспрашивал старушек на лавочках, доминошников в беседке, детей, гоняющих мяч, прохожих.

И искомого не получил.

И тогда, запыхавшийся, сам плюхнулся на лавочку, вытащил мобильник, включил и, пока тот загружался, нетерпеливо теребил его:

— Давай, родимый, загружайся, давай, ну! — Дождался, набрал номер. И столь же нетерпеливо ждал, пока откликнутся.

— Ершов, — сказал, наконец, голос.

— Агент Ерофей. — представился Тарзан. — Товарищ капитан:

— Ты что, сбрендил?! — накинулись на него. — По мобильному?!

Ты что, пра:

— Товарищ капитан!!! — заорал Тарзан, перепугав всех в радиусе ста метров, но главным для него сейчас было добиться внимания, любой ценой. И, добившись, он выдохнул в трубку, уже негромко. — Ситуация «один — один», товарищ капитан. Форс-мажор.

Глава 3

Центральный офис одной из спецслужб российской федерации (ЦОСС)

Теперь метался капитан Ершов.

По длинному служебному коридору, от двери к двери, на которых, к слову, не было табличек с указанием фамилий, только порядковые номера, с одним и тем же вопросом:

— Генерала не видели?

— По мобильному позвони, — бросили ему вслед.

— Умники, — огрызнулся капитан, он только и делал, что пытался вызвать начальство по мобильному.

В конце коридора, возле туалета остановился, чтобы помозговать, заодно в очередной раз выщелкнуть кнопку на мобильнике.

Пошли длинные гудки, а вместе с ними какие — то другие, подозрительно совпадающие по частоте с первыми.

Капитан приоткрыл дверь туалета.

Сомнений не было: на его звонки отвечало мобильное средство связи, сиротливо лежащее на умывальной панели.

Ершов подошел к кабинкам и деликатно кашлянул.

— Телефон-то уж выключи, — попросили из крайней кабинки. Генерал был круглолиц, редковолос, внешне походил на Мухомора из сериала про ментов и меньше всего напоминал генерала спецслужб — как, собственно, и означенный Мухомор подполковника милиции.

— Докладывайте, Сергей Сергеич, — велел он, покидая кабину и направляясь к умывальнику.

— Один — один, Юрий Александрович, — доложил Ершов.

Спустя полторы минуты они стояли этажом ниже, в техническом помещении, перед огромной, во всю стену, электронной картой Москвы и области, на которой мигали крошечные лампочки трех цветов — красного, зеленого, желтого, их было очень много, и, на первый взгляд, они вели себя в полном соответствии с законами броуновского движения, хотя в действительности все было наоборот

— карта позволяла с точностью до ста метров определить в какой точке Москвы находится в данный момент сотрудник управления и чем он занят: на задании (красный), свободен (зеленый), временно нетрудоспособен (желтый).

— Павелецкий... — шептал генерал. — Павелецкий... Кто тут у нас...

Капитан тоже, не мигая, смотрел на карту, и постепенно они с генералом обрастали другими сотрудниками, задействованными в ситуации «один — один».

— Одна желтая, одна зеленая, все, — с досадой сказал генерал. — Остальные за десять минут не поспеют.

— За девять с половиной, — машинально поправил капитан.

Начиная с этого момента, они начали говорить очень быстро, стараясь выигрывать у времени во всех компонентах.

— Данные, — потребовал генерал.

Техник — оператор уже протягивал ему расшифровку.

— Так. Желтый — майор Черемисин. Чем болеет?

— Нога в гипсе, товарищ генерал.

— Отпадает. Зеленый — капитан Стычкин. Не припомню.

Неловкая пауза, но тоже короткая, на пару секунд. Вперед протиснулся мужчина с одутловатым лицом.

— Недосмотр, забыли снять с карты, — добавил он. — Он уволился, еще до вас. Виновные будут наказаны.

— Да подождите вы наказывать... Мотив увольнения?

— Личная обида.

— На кого?

— На офицерский суд чести. Ему вынесли порицание.

— Объективку.

Генералу уже протягивали несколько листков. Он помахал ими в воздухе:

— Не успеваю. Мнения, быстро.

Опять пауза. Многие, почему — то взглянули на одутловатого, он, видимо, был вторым лицом в здешней иерархии.

— Мнения, товарищи офицеры! — вдруг закричал генерал, побагровел.

Рискнул Ершов:

— Один из лучших сотрудников, товарищ генерал. — И тут же наткнулся на тяжелый взгляд одутловатого. Добавил для формальности. — Был.

— Не согласен, — сказал тот.

Генерал пробежался по лицам остальных, мгновенно принял решение.

— Выходите на связь, — приказал он Ершову.

— Есть.

Ершов набрал номер.

И, откликаясь на это, одна из зеленых точек на карте замигала раза в два чаще, чем до этого.

Глава 4

Садовое кольцо, близ павелецкого вокзала

Мобильник лежал на водительском сиденье новенькой, синего цвета «Лады», припаркованной на Садовом кольце, за пару десятков метров до поворота к площади Павелецкого вокзала.

Стычкин отошел от аптечного киоска с обернутым в белую бумагу свертком продолговатой формы в руках, направился к машине.

Звонки он услышал метра за три, но это его не поторопило. Он открыл дверцу, поднял мобильник, сел, аккуратно уложил сверток на заднее сиденье и только после этого бросил взгляд на экранчик телефона.

— Слушаю.

— Привет, Саша. Это Ершов.

— Вижу. Не стер пока.

— И мы тебя не стерли. Саша, у нас «один — один».

— Ну? И кто с кем играет?

— Саша, не до шуток. У нас ЧП, да и цейтнот к тому же. Ты единственный сотрудник, кото...

— Я не сотрудник, — жестко оборвал его Стычкин. — Я занимаюсь частным извозом.

— Саша, ты же знаешь, что я не смог прийти на этот суд из-за того, что...

— Не знаю, и знать не хочу. Я знаю, что вы меня предали, и ты, и Захарько, и Кавтарадзе, и я знаю, что я ушел не от гордости, а чтоб не наблюдать, как вы будете отводить глаза, я просто не смог бы больше с вами работать, и еще я знаю, что от меня ушла невеста, потому что я стал безработным, а еще я знаю, что я теряю мать, которая заболела от того, что я стал безработным, и от меня ушла невеста, вот что я знаю, Сергей, а на все остальное мне наплевать!

Он с силой вдавил кнопку, бросил мобильник на соседнее сиденье. Тут же, словно в продолжение разговора, извлек откуда-то снизу плафон с шашечками, взглянул на мобильник, будто его недавний собеседник мог с монитора наблюдать за ним, и демонстративно водрузил плафон на крышу автомобиля.

Глава 5

ЦОСС

Генерал стал проводить оперативный блиц еще до того, как капитан дозвонился до Стычкина.

Отвечали ему, что называется, по принадлежности — у каждого был свой участок и свой маневр.

— Бомж. Он может вспомнить что-нибудь еще.

— Уже везут.

— Отведите его в конференц-зал. Давайте варианты, быстро.

— Задержать состав. Под благовидным предлогом.

— Террористка может догадаться. Взорвет вокзал, либо состав.

— Перенести рейс.

— Состав уже наполовину заполнен, только что говорил с дежур...

— Без лишних слов, предельно лаконично. — Генерал периодически поглядывал в сторону Ершова, тот в углу комнаты вел по телефону разговор, который мы уже слышали. — Засечь частоту дистанционного устройства?

— Только сканером СПОС-19, с близкого расстояния, скрыть его невозможно, она увидит.

— Значит, поезд отпускаем.

— Отпускаем. И получаем сорок минут. На все про все.

— Немедленно приступить к эвакуации пассажиров из Домодедова.

— Есть.

— Встречный состав задержать?

— Черт побери, это вопрос. Она может пустить под откос оба состава.

— Или, если не будет встречного, заподозрить неладное и взорвать один.

— Но у нее задание взорвать аэропорт.

— Баба. Нервишки подвести могут.

— Все, встречный отпускаем.

— А может...

— Все. Дальше.

— В поезде дети. Три вагона из шести, детдомовские. Благотвори...

— Ничего лишнего! Уже в вагонах?

— Так точно.

— Надо доложиться в Совбез. — Это вставил одутловатый.

— Позвоните и доложите, полковник.

— А субординация?

— Ну, тогда ждите, когда позвоню я. Оперативные машины сопровождения?

— Уже в пути. По нашим расчетам должны поравняться с составом на двенадцатом километре. Старший — подполковник Кавтарадзе.

Генерал снова бросил взгляд в сторону Ершова — тот уже не говорил, а только слушал, и по выражению его лица можно было понять если не все, то главное уж точно.

Генерал направился к нему. И подошел именно в тот момент, когда капитан получил в ухо отбой.

Объяснения были излишни, Ершов лишь покачал головой — неудача.

— Набери снова, — велел генерал. И, предваряя движение капитана, добавил.
— Нет, с моего.

Глава 6

Садовое кольцо, там же

Спустя буквально минуту мобильник зазвонил снова.

Номер был незнакомый.

— Слушаю.

— Александр Анатольевич?

— Я. — Стычкин слабо удивился, его пока редко называли по отчеству.

— Вас беспокоит генерал Кузнечик Юрий Александрович. Я новый начальник Управления, меня перевели из Питера, я мало кого знаю, да и времени сейчас нет на знакомства, вы меня слушаете?

— Слушаю, — сказал Стычкин.

— У нас, товарищ капитан, ситуация степени один — один. Выслушайте меня как офицер офицера. Через семь минут от Павелецкого вокзала отойдет поезд на Домодедово. В числе пассажиров — террористка со взрывным устройством, пульт при ней же. На ней обувь синего цвета на деревянной или пробковой платформе, это все, что мы знаем. Возможны два сообщника — в черной лакированной обуви и кроссовках. Цель — взрыв аэропорта. Время следования — сорок минут. Вы единственный профессионал, который может успеть на поезд. Прошу помочь, но настаивать на этом не имею никакого права. Связь — по номеру, который перед вами. Сообщите о принятом решении.

В трубке щелкнуло.

— Вы свободны? — На заднее сиденье протиснулась женщина с большой грудью и кучей полиэтиленовых пакетов. Увидела сверток. — Можно я его отодвину? — Она хохотнула. — Если это не бомба, конечно.

— Это прибор для измерения давления, — не оборачиваясь, сообщил Стычкин.

Женщина бесцеремонно расковыряла наманикюренным ногтем оберточную бумагу:

— Такие уже давно не употребляют.

Зазвонил мобильник, Стычкин до сих пор держал его в руке.

— Слушаю. Да, мама. Купил. Да, именно такой, как ты просила... Перекусил, не беспокойся... Конечно. Нет, чуть позже... Ага. Пока.

Выключая мобильник, он невольно посмотрел на часы.

До отхода поезда оставалось около пяти минут.

— Мне на Большую Филевскую, — сказала женщина, не без интереса изучая Стычкина в смотровое зеркальце. — В район Горбушки.

В ответ Стычкин высунулся в окно:

— Тезка! На Горбушку возьмешь?

— Засылай, — лениво ответили ему.

Он повернулся к женщине:

— Пересаживайтесь. Вон туда.

— Ой, а я у вас так хорошо устроилась...

— Вышла! — заорал Стычкин, пальцы уже тыкали в прорезь зажигания, нога легла на педаль сцепления. — Живо!

Дверь за женщиной захлопнулась на ходу, когда он уже рванул машину.

Глава 7

Телекомпания

Примерно в ту минуту, когда генерала соединили со Стычкиным, известный телеведущий сажал своего гостя адмирала в лифт. Тот еще не совсем отошел от скормленных ему заковыристых вопросов, поэтому сделал последнюю попытку внести ясность:

— Честно говоря, я представлял себе все это немного по-другому.

— Поймите, — говорил телеведущий и совал ему в руку какой — то пакет, — главное — это запомниться зрителю. Услышав очередную банальность, зритель тут же переключается на другой канал, а мы с вами показали ему кузькину мать, как говорил — кто? — Подобная форма вопроса была рудиментом недавних времен, когда он вел передачи для детей «Кто угадает первым».

— Хрущев, — покорно сказал адмирал.

— Правильно, — засиял телеведущий. — А это вам. Полный набор сувениров нашей телекомпании. — Он крайне деликатно затолкал адмирала а подплывший лифт. — На добрую память. — И выдал самую сокрушительную из своих улыбок, уже почти в сомкнувшиеся двери. — Всегда ваш.

Лифт унес адмирала, но еще быстрее улыбку провожатого. Он круто повернулся на каблуках и нос к носу столкнулся со своей ассистенткой, она молча протягивала ему мобильник.

— Меня нет, — быстро сказал он. — Меня убили, сожгли, прах развеяли по ветру. Ассистентка выслушала и сообщила:

— Это Борман.

Он вырвал у нее трубку.

— Да, привет... Так... Так... Что?!!! — Он переменился в лице, напустился на ассистентку, — не стой тут, найди мне Егора, быстро, бегом, срочно! — Ее уже, как языком слизнуло, а он еще кричал. — Немедленно! Одна нога там, другая тоже там!

Глава 8

ЦОСС

Поговорив со Стычкиным, генерал умолк на несколько секунд, затем спросил:

— Новости имеются?

— Работаем во всех направлениях, — доложил одутловатый.

— Я спросил про новости.

— Пока нет.

— У капитана Стычкина есть личный переговорщик?

— Так точно, — ответил Ершов. — Старший лейтенант Дроздецкая.

— С родинкой? — Генерал показал место на щеке. — Даша, если не ошибаюсь?

— Так точно.

Генерал кивнул, вернулся к карте, — и вместе с ним все, кто находился рядом. Невольно подключились к этому и техники — операторы, сидящие за своими компьютерами.

Из своего закутка, почти полностью огороженного непроницаемым матовым стеклом, выглянул шифровальшик.

Наступила незапланированная и от того по-особому напряженная тишина.

Все, оцепенев, смотрели в одну точку. Еще точнее — на одну. На электронной карте. Желтую, размеренно и равнодушно мигающую — как некоторые светофоры по ночам. Которая еще недавно была зеленой — по недосмотру.

Рефлексы все-таки сильнее любых профессиональных навыков.

Поэтому почти все находящиеся в техническом помещении невольно вздрогнули, когда желтая точка внезапно сорвалась со своего места, прыгнула вперед, затем вправо, и устремилась к площади Павелецкого вокзала — виртуальной, как, впрочем, и все остальное на этой карте.

А в следующее мгновение все вышли из оцепенения, задвигались, зашевелились, словно какая — то неведомая сила встряхнула сбоивший ненадолго механизм.

Один из техников, — это был уже рефлекс профессиональный, — бросил руку к клавиатуре компьютера, пальцы прошлись по клавишам, сменили цвет точки на карте с желтого на зеленый — не дожидаясь приказа, в нарушение инструкции, но сейчас было не до формальностей.

Генерал усилием воли оторвал взгляд от карты. Незаметно выдохнул, пожевал губами.

— Старшего лейтенанта Дроздецкую, — приказал он. — Срочно.

Глава 9

Павелецкий вокзал

Стычкин влетел на привокзальную площадь с удалью нетрезвого и с наглостью тарана. Прокатился, визжа тормозами, остановил не где можно, а где удобно, выскочил, щелкнул, не глядя, пультом, устремился к кассам. Кто — то с красной повязкой на руке бросился наперерез, — «гражданин, здесь остановка запрещена, уберите машину», — Стычкин прошелся по нему волнорезом, сшиб, кажется, с ног, но это уже не имело значения, сейчас все было подчинено алгоритму, заданной программе, запущенной в его, Стычкина, личный компьютер, бездействующий уже почти год, и теперь только по ходу дела можно было понять — растренировался он, грешный, или, наоборот, истосковался и жаждет.

В кассах — хвосты. Три хвоста. Плохо. В хвосты нельзя. Нам нельзя в хвосты: это не он, Стычкин, тупо повторяет, это компьютер выдает.

Слева пусто. Слева — для детей и инвалидов. В дети нам нельзя, в дети нам уже поздно, можно, конечно, притвориться, но никто не поверит:

— Один до Домодедова, я инвалид второй группы, с наступающим вас.

— Удостоверение, мужчина.

— Какое удостоверение?

— Удостоверение инвалида, мужчина.

— Прекратите обращаться ко мне по половому признаку! Вы русская? Вы русская, я спрашиваю, или башибузучка какая — то? На чьем языке мы разговариваем?

— Вы что — больной?

— А я о чем толкую с утра?! Я больной, я инвалид второй группы, претендент на первую!

Так. Так-так-так. Билет — в нагрудный карман пиджака. Теперь на перрон? Ах, да, позвонить. Нет, это он еще успеет, какая-то другая мысль мелькнула там в кассе, кассирша — дура выбила ее из головы, что-то насчет внешнего облика, — взгляд на часы, пара минут еще есть, — давай компьютер, телись, родимый, цейтнот у нас. Есть!

Где это тут? Это сейчас везде.

Вот. Прямо на перроне. А это еще кто? А, билетный контроль. Это нас, инвалидов, не колышет.

— Гвоздики, пожалуйста, вот эти.

— А очередь вас не касается, гражданин?

— Я же готовый букет беру, отдал — взял, раз — два, с наступающим вас.

— Нахал.

— А кто спорит?

Теперь позвонить. Где тут безлюдно? Вон, у края перрона. Кстати, он весь в лужах.

Везде сухо, а перрон в лужах, поливали его, что ли?

Вот и край. Позиция Анны Карениной — простите за цинизм, Лев Николаевич.

Генерал снял трубку сразу же:

— Я.

— Стычкин. Дайте мне контакт и переговорщика.

— Контакт — этот же. Резервный — капитана Ершова. Переговорщик — Дроздецкая.

— Понятно, — сказал Стычкин.

— С Богом, — сказал генерал.

Стычкин побежал к составу.

Шесть вагонов. В трех последних — дети, одни только дети, много детей.

Шестой, пятый, четвертый...

Стычкин забежал в третий вагон.

И почти сразу же двери за ним закрылись.

Глава 10

Улицы города

Две «Волги» одинаково бело — молочного цвета шли почти на предельной скорости по центральной правительственной полосе проспекта, на зависть двум автомобильным пробкам — и справа, и слева.

В салоне каждой из «Волг» находилось трое сотрудников — оперативная группа. Старший сидел в передней машине, рядом с водителем, под левой рукой стационарный телефон, в правой — рация. Сейчас он позвонил по стационару:

— Подполковнику Кавтарадзе. Идем с небольшим опережением графика.

— Это покамест, — проворчал водитель, наиболее возрастной из всех сидящих в салоне. — Халява скоро кончится.

Кавтарадзе повернулся к сидящим сзади.

— Ну что, Толя, — сказал он. — Опять с Сашей работаем. Будто и не было ничего.

Толя, он же майор Шешеня, неопределенно мотнул головой, сказал неохотно:

— Так не бывает, Жора.

Кавтарадзе не понял:

— Что не бывает?

— Не бывает так, что будто и не было ничего, — неказисто пояснил Шешеня. — Или было, или не было. А раз мы все помним — значит было.

— Ты, как всегда, к словам цепляешься, — сказал Кавтарадзе. Добавил, отворачиваясь.

— Что за привычка?

Третий из пассажиров — капитан Петров, молча переводил взгляд с одного из коллег на другого, он не очень понимал о чем речь.

В это время халява, то бишь правительственная трасса, кончилась. «Волги» резко свернули вправо, в какой — то переулок, теперь, до самого выезда на загородное шоссе, началась наиболее сложная часть маршрута — езда «огородами».

Глава 11

Телекомпания

Примерно в тот момент, когда Стычкин вбегал в кассы вокзала, Егор Караваев, один из самых популярных телерепортеров компании, дослушал, — с раскрытым ртом, несмотря на свой уже немалый опыт, — то, что ему коротко изложил телеведущий.

— Улет, — сказал он. — И об этом знаем только мы?

— Только. Понимаешь, если даже ничего не случится, одно то, что мы снимали этот поезд и...

— Да что ты мне объясняешь! — Егор уже горел от нетерпения. — Я знаю, как ехать, мы их достанем минут через пятнадцать. Давай ПВС (передвижная видеосистема).

— Уже внизу, — быстро сказал ведущий. — На заднем дворе.

— Отлично. — Егор сдернул с вешалки куртку. — Группа?

— Уже внутри. Лучший водитель, оператор...

— Вадик?

— ...Да. И... — ведущий сделал паузу, вполне, как всегда, обдуманную — в данном случае для того, чтобы самортизировать реакцию.

— И? — Егор уже понял.

— ...И твоя благоверная. — Ведущий принял скорбный вид. Егор застонал:

— Только не это.

— В том-то и дело, что только это. — Его собеседник был само сочувствие. — Нет людей, все на репортажах, Восьмое марта, сам понимаешь.

— Я пупею, — сообщил Егор.

— Мысленно вместе, — пообещал ведущий. — Я буду в аппаратной. Давай, Гоша, ни пуха.

Спустя пару минут Егор уже влезал в серебристого цвета микроавтобус «Фольксваген», оборудованный под ПВС.

— Всем привет.

Ему нестройно ответили: водитель, оператор с камерой на коленях и молодая женщина, красивая с бледным, строгим лицом.

Егор сел напротив нее, постарался улыбнуться.

— С наступающим, Наташа, — сказал он.

— Спасибо, — сухо ответила она, — с недавних пор уже бывшая, — жена.

Глава 12

Поезд

Ну вот, мы уже внутри. Теперь сделать лицо — относительно молодой человек, без багажа, но с цветами, встречает кого-то, надо полагать; а почему не купить в аэропорту, да потому, что там дороже раза в полтора, а молодой человек из экономных, с виду весь из себя беспечный, улыбчивый, контактный донельзя, но прижимистый, так бывает. А кто это? Сразу две, обе стройненькие, в одинаковых униформах, вокзальная служба какая-то, идут в первый вагон, пристроимся-ка за ними, ножки у обеих очень даже ничего, вот мы якобы на эти ножки и смотрим, а сами зыркаем по сторонам, нужную обувку высматриваем, цветы, конечно, нужно бы деть куда-то, но пока рано — пусть все увидят, что он с цветами и охоч на женские ножки, нужно добиться определенного стереотипа восприятия. Так, уже и второй вагон заканчивается, а эти в униформах все идут, может, это машинист и помощник, а поезд пока идет на автопилоте, до чего же техника дошла — шутка.

Сколько же видов обуви существует на свете, мозгами можно двинуться. Особенно у женщин, три вагона почти уже обсмотрел, ни одной одинаковой пары. Стоп. Вот они, на платформе. Но выше скорее голубые, чем синие. Даже светло-голубые. Женщина, как женщина, не молодая — не старая, левая рука в сумке, но этот жест знакомый, они кошелек так берегут, предпочитают осязать. А туфли голубые. Откуда они там взяли, что синие, агентурное сообщение, небось, откуда же агент за ней наблюдал, если только обувь заметил — из соседней кабинки туалета, наверное, — ладно, разберемся, эти в униформах дошли до самого конца, до начала, вернее, дальше только машинист, а это кто разговаривает с ними, вежливый, встал даже, до этого сидел смирно в первом ряду, а что это у тебя, мил человек, топорщится под пиджаком, случаем не ПМ ли, это игрушка такая, взрослые дяди ее очень любят, а с этим конкретным дядей все ясно, он безопасен, более того — даже пригодиться может в случае чего.

А эти, в униформах, пошли обратным маршрутом. Ясное дело, этот сидит впереди, а они пойдут в последний вагон, будут бдить там, среди детей. Ну что ж, пора потревожить старлея Дроздецкую.

Стычкин пошел в тамбур.

Глава 13

ЦОСС и поезд

Дроздецкая — миловидная молодая женщина, с родинкой на правой щеке — уже сидела в техническом помещении, за специальным столиком, предназначенным и оборудованным для переговорщиков.

Запищало и замигало одновременно. Дроздецкая нажала две кнопки — селекторной и магнитофонной записи, нагнулась к микрофону.

Генерал, его одутловатый заместитель и капитан Ершов уже стояли рядом.

— Привет, Саша, — сказала Дроздецкая, невольно улыбнулась, они давно не общались.

— Дашка! — заорал Стычкин. — Это снова я!

Он стоял в тамбуре, держа телефон в той же руке, что и цветы.

— Слушай, несколько магазинов обошел. — Его голос разносился по всему техническому помещению. — Лакированных под твою сумку нет, напрочь. Я решил тогда купить тебе кроссовки, ну под белые джинсы твои, но твоего размера нет. Белых нет, в смысле, другого цвета полно.

— Мужчин в лакированной обуви и белых кроссовках в поезде нет, — сказала Даша.

— Тогда я стал искать синие, какие ты видела на Наде. Но нашел только голубые, даже светло-голубые, но в остальном точно такие же, как Надины. Я попросил отложить, хочешь, завтра вместе зайдем, это прямо под моим офисом, в первом магазине слева.

— В первом вагоне едет женщина в обуви на платформе. Но светло-голубого цвета. Он просит уточнить у источника цвет.

— Ну вот. Я тете Паше цветы купил, гвоздики, пять штук. Кстати, я только что этого встретил, забыл имя, ну помнишь, мы у Коли гуляли на дне рождения, он, по-моему, где-то служит, грузы какие-то сопровождает, не помнишь? Ну ты даешь, мы же в его машине обратно ехали, он напился, я предложил сесть за руль, а он попросил меня права показать, вспомнила? Ну! Коля говорил, у него неплохие связи, может пригодиться. Ну все, пока, буду звонить.

Даша отключила кнопки, «перевела»:

— Предположительно в составе находится сотрудник службы безопасности вокзала. Если это так, Стычкин просит, чтоб ему позвонили и предписали в случае чего оказать содействие. Стычкина он опознает по букету из пяти гвоздик, кроме того, Саша уронит возле него водительские права.

Генерал кивнул, взглянул на Ершова, тот побежал выполнять.

— Бомжа привезли? — спросил генерал.

— Уже подъезжают, — ответили ему. — Будут минут через пять.

— Что в Домодедово?

— Работаем.

— Юрий Александрович. — Одутловатый со значением посмотрел на генерала.

— Да, Иван Степанович.

Заместитель понизил голос:

— Позвоните в Совбез, Юрий Александрович. Это и по инструкции положено, да и...

— ... Да и не мешало бы разделить ответственность, — закончил генерал. — Так? Одутловатый помялся, но подтвердил:

— Так, товарищ генерал.

— Пойду звонить, — сказал генерал; сделав несколько шагов, обернулся. — -Поскольку по инструкции положено.

Глава 14

Поезд

Теперь требуется показаться. Этому — секьюрити вокзальному. Для этого надо опять пойти в противоположный конец вагона, но он, Стычкин, только что оттуда, нужен повод, вагон — не бульвар, чтоб слоняться туда-сюда.

А вот и повод. Да не простой, на колесиках аж. Очередное торжество российского сервиса — тележка, напичканная газетами и журналами. Продавщица круглая, колобок такой, — или такая? — в фирменной куртке, логотип на спине, пропустим ее в вагон, даже дверь перед ней откроем, вот какие мы воспитанные, а вы, небось, думали, что только хулиганье в тамбуре обитает?

Оп. Секьюрити говорит по мобильному — спина напряглась, закивал часто-часто, как японец, затылок прям ходуном ходит — кто же так топорно работает, коллега? Осталось только, чтобы он поискал его, Стычкина, взглядом. Нет, не сподобился, спасибо и на этом, низкий тебе поклон, хлеб тебе да соль. Что ж ты так медленно ползешь — колобок с логотипом? Ну да, понятное дело, российский читатель — самый читающий в мире.

А пока произведем-ка простейшую операцию: переместим водительские права к финансовым средствам. Из одного кармана в другой.

Наконец-то. Можно идти.

Стычкин догнал тележку как раз в тот момент, когда она поравнялась с сотрудником службы безопасности, протиснулся кое-как между ними, полез в карман за деньгами, и спустя мгновение на пол вагона шмякнулся пластиковый четырехугольник.

— Мне газету «Газета». — Стычкин улыбнулся окружающим: надо же такое название придумать.

— Вы что-то уронили, гражданин.

Молодец секьюрити, зря кое-кто на него грешил, очень естественным тоном сказал, неприязненным, — ходят, мол, тут всякие, роняют на пол признаки благосостояния.

— Спасибо вам, — Стычкин нагнулся, они на мгновение встретились глазами и снова разбежались.

Теперь надо сесть так, чтобы контролировать эту — на платформах с голубым. Рука до сих пор в сумке. Глаза вроде прикрыла, подремывает, что ли? Хороша террористка, сон дурной приснится, ручонка в сумке дернется — и где мы все, горемычные, окажемся?

Делать нечего, на текущий момент других кандидаток нет. Сядем на ряд позади и сбоку. Заодно и от цветов для мифической тети Паши избавимся — полки для этого существуют.

Так. А кто у нас по соседству окажется?

О, Боже. Нет, он ее, конечно, заметил, периферийным зрением, но приглядывался-то в основном к обуви, может доложить с закрытыми глазами — розовые туфли с короткой союзкой и золотистой фальшь-пряжкой, на низком широком каблуке.

Глаза — очень большие, очень голубые и очень-очень доверчивые. Сколько ей может быть лет? От двадцати до двадцати с половиной — шутка.

— С наступающим вас.

Кивнула. Доброжелательно так. Улыбнулась. Стычкин задержал руку с цветами на уровне полки.

— Как вы думете, они тут не помнутся?

Еще одна улыбка, даже легкий смешок:

— Скорее, в руках помнутся. — У нее и с логикой все в порядке. Вот мы сядем и тоже вам улыбку выдадим — мало не покажется. Сел. Выдал.

— Меня зовут Саша. Можно проще — Александр Анатольевич. Это разве смех? Это — сонатина Моцарта, вот что это такое.

— Очень приятно. Настя.

Не расслабляться, Стычкин. Между прочим, у Агаты Кристи это ангельское создание и оказалось бы в итоге главной злодейкой. Так что подозреваем всех — вот лозунг мой и солнца.

Что это почти у всех обувь такая заляпанная?

Внутренний компьютер мысленно отмотал, выдал картинку — перрон Павелецкого, весь в немотивированных лужах.

Работай, Стычкин, работай...

Глава 15

Павелецкий вокзал

Некто из возродившегося племени народных дружинников заканчивал свой драматический рассказ:

— Я ему — не положено, мол, а он мне — подсечку. Подло так, сзади.

— А как он сзади тебя оказался? — резонно поинтересовался лейтенант дорожно-патрульной службы.

— Прыгнул! — нашелся дружинник. — Как угорь.

— Угорь не прыгает, — сообщил лейтенант. — Ну ладно, а что дальше?

— А дальше — пригляделся, смотрю, предмет какой-то подозрительный на заднем сиденье. Ну и решил. Поставить в курс, как говорится.

Они стояли возле «Лады» Стычкина.

Лейтенант поднес к губам рацию:

— Вить, номерочек мне пробей, пожалуйста.

И он продиктовал цифры и буквы с номерного знака «Лады».

Глава 16

Аэропорт «Домодедово»

— Повторяю. Граждане пассажиры, аэропорт по техническим причинам закрывается, все рейсы откладываются, просим внимательно выслушать следующую информацию и соблюдать порядок при эвакуации из здания аэропорта. Для пассажиров рейсов, вылетающих до восемнадцати часов, подготовлены автобусы... Для пассажиров последующих рейсов подготовлены автобусы... Автовладельцев машин, припаркованных на стоянке аэропорта, просим... Родителей с детьми до двенадцати лет просим... Технических сотрудников аэропорта просим... Повторяю...

И так далее.

Да, транспорт для эвакуации был подготовлен: с внешней стороны — для пассажиров, с внутренней — для сотрудников; маршруты были определены, шлагбаумы на контрольных пунктах подняты; движение в сторону аэропорта перекрыто; люди для разъяснительной работы с повязками на рукавах расставлены по точкам — все вроде было сделано вовремя и правильно. Казалось бы, было учтено все, что можно было учесть.

Кроме человеческого фактора. Который, впрочем, чаще всего очень трудно, а то и вовсе невозможно подвергнуть какому бы то ни было учету.

Люди в таких случаях становятся заложниками рефлексов. Действовать они начинают немедленно, а думают уже потом, задним числом, когда зачастую думать уже поздно и незачем. Они бегут туда, куда бегут все. Если встречный поток им кажется более надежным, они так же бездумно присоединяются к нему. Они не способны услышать никаких советов и рекомендаций, для этого надо остановиться, но этого делать нельзя, спасение в беге, поэтому всякий, кто хочет их остановить, — враг, прочь с дороги, мы бежим, потому что надо делать то, что делают все, не могут же все, абсолютно все, быть дураками.

В аэропорту «Домодедово» и вокруг него началась паника.

Глава 17

Улицы города

— Молоток, Юра, молоток! Как мы их обскакали, а, на одной левой, как говорится! Теперь налево, мимо школы, и сразу снова налево, еще метров пятьсот выиграем, не меньше, жми, Юра, жми!

У Егора горели глаза, он командовал водителем и попеременно кидал взгляды на спутников, словно приглашая их разделить торжество этой адской автомобильной гонки. Он искренне не замечал и не чувствовал, что их буквально мотает в машине, что Вадим чудом удержал однажды в руках камеру, что Наташа пару раз чуть не свалилась с сиденья, нет, все перекрывал азарт, его, Егора, личный, запредельный азарт, но ему и этого было мало, ему требовалось, чтобы азартны были все вокруг:

— Все, еще несколько виражей и выходим на прямую! Вадик, а где «бэбик», я «бэбик» не вижу, в салоне света может не хватить, понял, вот «бэбик», отлично, направо, Юра, направо, не ошибешься, я тут каждый переулок знаю, помнишь, мы тут однажды кошелек пустой нашли?

Последнее относилось к Наташе.

Она не ответила.

Но Егор ответа, похоже, и не ждал. Он, может, и свой собственный вопрос не услышал.

Он весь был в движении.

Две «Волги» бело-молочного цвета занимались примерно тем же — брали виражи на грани фола, проскакивали на красный, заезжали на тротуары, разве что движимы были не азартом, а служебной необходимостью.

В машине, которая шла второй, тоже было четверо мужчин — водитель и три сотрудника опергруппы, один впереди, двое сзади.

С той разницей, что на коленях одного из них лежала винтовка с оптическим прицелом.

Поезд они увидели еще издалека и некоторое время шли на сближение по строгому перпендикуляру, будто собирались разъехаться на ближайшем переезде.

Но до переезда «Волги» не доехали. Юркнули вправо и пошли параллельно поезду, по шоссе.

Примерно в ту же минуту на это же шоссе, но в другой его точке выскочил серебристый «Фольксваген» — примерно на полкилометра позади оперативных машин.

И стал сокращать расстояние между собой и поездом.

Глава 18

Поезд и ЦОСС

— Хотите «Баунти»?

Это шоколадка такая, Настя предложила, извлекла из полиэтиленового пакета, он у нее в ногах, справа.

— Спасибо. А хотите газету «Газета»?

Это уже Стычкин пошутил, посмеялись.

Нет, он ошибся. Женщина на платформах не дремлет. Просто сидит, полузакрыв глаза, ей так удобно.

А вот колобок с логотипом на спине беспардонно спит. Наторговала, чего смогла, села параллельно секьюрити, тележку к кабине машиниста прислонила и клюет носом во время исполнения служебных обязанностей.

— Настя, у вас медальон красивый.

— Да? — У нее и пальцы красивые, без всякого маникюра, просто тонкие красивые пальцы. — Спасибо.

Нет, это, конечно, нечто. Спасибо. Как будто это он, Стычкин, ей медальон подарил.

— Внутри, небось, фотография?

— Представьте себе, нет.

Стычкин сделал вид, что огорчился:

— Но в медальоне должна быть фотография. Нас еще в детском саду этому учили.

Переливчатый смех. «Баунти» она надкусывает по миллиметру. Принцесса на горошине.

А этот ушастый чем занимается во втором ряду? Неужели лезет соседу в карман? Точно. А тот спит себе. Пожилой такой. Хорошо бы, чтоб в кармане ничего стоящего не оказалось. Извини, дядя, сейчас я тебе не помощник. И если ты не проснешься, ушастого справедливое возмездие не настигнет.

Звонок мобильника.

— Да, Даша. — Легкий поворот головы к Насте. — Сестра. Чего? А что у меня может быть нового? Еду себе в поезде... Что? Помню, конечно, это же недавно было...

Дроздецкая склонилась к микрофону, но говорила вполголоса, на всякий случай:

— Помнишь, там были два брата-Близнеца? В белых костюмах, у одного булавка на галстуке красивая, я их только так и различала.

— Помню, — «вспомнил» Стычкин. — Жора и Толя, по-моему.

— Точно. Один из них только что звонил, Жора который. Звал на их день рождения.

— Даш, могла бы и дома об этом сообщить. У меня телефон, между прочим, не безлимитный. Я тебя, кстати, просил номер телефона продиктовать. Из синей записной книжки. Или голубой, я путаю все время.

— Я ее еще не нашла, ищу. Все.

— Пока, Даш, маме привет.

Обмен взглядами. Ну очень большие глаза. Ну очень голубые. Ну очень доверчивые. Ну нельзя быть красивой такой. Спокойно, Стычкин, тебе привет от тети Агаты, в девичестве — Кристи. Интересно, как ее отчество? Агата Соломоновна, небось? К примеру.

— А вы с сестрой дружите?

— По четным дням недели. По нечетным — воюем. В воскресенье — выходной. Опять сонатина. Пока она смеется, как бы невольный взгляд в окно. На этом участке автомобильное шоссе проходит совсем рядом. Вот они — братья-близнецы, две одинаковые «Волги». Снайпер, наверное, в задней — с "булавкой на галстуке". Старший — Жора Кавтарадзе. Толя Шешеня там же. Deja vue (уже увиденное: то или почти то, что уже когда-то было — либо наяву, либо по ощущениям).

Стычкин усмехнулся. Внутренне, разумеется. Да, как будто и не было ничего:

— А у вас есть сестра?

— Нет.

— А брат?

— Тоже нет.

— А почему? — Ты дегенерат, капитан. Вопрос даже не первого, нулевого порядка. Что значит — почему? Потому что кончается на «е», вот почему.

— Не знаю... Так получилось.

Дебил. Краску на нее нагнал. Поволока на глаза нашла. Принцесса с поволокой — это недопустимо.

— Вы так смутились. Наверное, хотели, чтоб у вас был брат. Или сестра.

— Очень.

— Но это же от вас не зависело. — Ага, а Волга впадает в Каспийское море. Констататор сраный.

— А у меня характер такой. Странный, наверное. — Поволока еще на месте, не сошла. — Мне всегда кажется, что во всем, что вокруг происходит, в первую очередь виновата я. Я сама.

Это уже что-то. Заявка на неплохой "ай-кью".

"Такое может сказать только человек с каким-то жизненным багажом".

Это Стычкин не только подумал. Это он сказал вслух. Редчайший синхрон

— при его-то профессии.

— А по-моему, необязательно. Багаж может быть и чужой, вокруг все время что-то происходит. Я смотрю телевизор, читаю, да и просто наблюдаю. Так не бывает, чтоб с кем-то одним что-то происходило, а все остальные были ни при чем. Разве я не права?

Офонареть. Теперь привет от Радзинского. Беседы с Сократом.

— Наверное, правы. Выражение даже есть такое: "Чужого горя не бывает". — Все что пришло в голову. Ты банал, капитан, большой банал.

Отвернулась. Что вполне естественно. «Похвала» глупости. Нет, снова повернулась. Лицо серьезное, сосредоточенное. Стыдись, Стычкин, она принимает тебя за достойного собеседника.

— Больше всего интересно то, что происходит с моими ровесниками. Ведь у каждого возраста свои особенности, да?

— Разумеется.

— Свой мир, свой багаж, как вы сказали, свои ощущения. Я не знаю, о чем думают люди среднего возраста или пожилые, что они чувствуют, как относятся к себе и другим. А то, чем живут двадцатилетние, я как бы ДОЛЖНА знать, не знаю, как это объяснить...

Хоть с возрастом угадал — очередная трудовая победа.

— Вы прекрасно все объясняете, Настя. Э-э, женщина на платформах, вы куда намылились? Это не трамвай, тут остановок не бывает. И руку в сумке с собой прихватила — хорошо, если в туалет.

Как бы это выяснить? Затылком не получается, мы не роботы.

Платок, быстро! Вытащил, а теперь мину огорчения на лицо, еще быстрее!

— Ну вот. Я вам говорил, что неуклюж до чрезвычайности? Постоянно все роняю.

— Я вам помогу.

— Спасибо, Настя, я сам. О-ох, старость не радость!

Это он на корточки присел, лицом к тамбуру. Чтоб деньги собрать, которые просыпал, когда платок вытаскивал. И права, опять выпали. Прямо к Настиным ногам. Это уж сверх программы, накладка, если честно.

Одна радость — гипотетическая террористка свернула к туалету.

— Спасибо. — Это Настя протянула ему сторублевку и права. На последние не смотрит, даже из естественного любопытства. А хоть бы посмотрела — имя и отчество он назвал настоящие, вот оно — зримое торжество правды. Чем меньше врешь, тем удобнее сидеть на корточках — прошу всех не расходиться, родился афоризм.

— Так... — Отерли платком виртуальный пот с реального лба. — О чем мы говорили?

— О том, что лучше не держать платок в одном кармане с деньгами.

О, эти лукавые огоньки в глазах. В тыщу раз лучше, чем поволока.

— Понятно. Жизнь только что доказала вашу правоту.

— Я не об этом. Я о том, что это негигиенично.

Сколько же вмещает в себя эта юная головка?

А шоссе тем временем сделало очередной изгиб, и «близнецы» ненадолго оказались совсем рядом. Стекла затемненные, не видать ничего, но если все идет прежним порядком, то Толя сидит прямо за водителем, а Жора впереди. В передней «Волге». А кто, интересно, на его, Стычкина, месте — рядом с Толей?

Глава 19

Шоссе. Передняя «Волга» и «Фольксваген»

На этом месте сидел капитан Петров. И сейчас он вздрогнул — настолько резко вдруг обернулся Кавтарадзе. Не к нему, правда. Взгляд в упор — на майора Шешеню.

— Если ты считаешь, что я об этом не вспоминаю, то глубоко заблуждаешься!

Шешеня взгляд выдержал, пожал плечами.

— Я вообще молчу, — сказал он.

— Правильно, молчишь, — Кавтарадзе стал говорить спокойнее. — Но со значением.

— Без значения молчат только коматозные, — сказал Шешеня. — Хотя даже это не бесспорно. Медицина не в курсе.

— Плевал я на медицину, — вне всякой логики сообщил подполковник. — Послушай, Толя, ты знаешь, почему я ни разу не позвонил ему, — он, не глядя, потыкал пальцем в сторону Петрова, — за этот год?

— Десять месяцев.

— Ну, десять месяцев. Знаешь?

— Предполагаю, — сказал Шешеня. — Потому что стыдно было. — Теперь уже он посмотрел на Петрова. — Перед ним.

— Вот именно, — согласился Кавтарадзе, но с непонятном вызовом. — Стыдно.

— Ну и мне стыдно, — сказал майор. — Только ты вроде кичишься этим. Не вижу предмета гордости.

— Да брось ты... — уже без всякой агрессии сказал Кавтарадзе. Вздохнул, невидящим взглядом посмотрел на Петрова. — Мне, если хочешь знать, перед ним стыднее всех. Потому что я старшим был.

Петров по-прежнему не понимал ни того, почему они иногда смотрят на него, ни еще более того, почему кивают и показывают на него пальцем.

— А вот с этим не соглашусь, — сказал Шешеня. — Мы все виноваты. В равной степени.

— Хватить спорить! — вдруг снова закричал Кавтарадзе. — Я знаю, что говорю! И если я говорю, что мне стыднее всех, значит, мне стыднее всех!

— Нашли время права качать! — проворчал водитель.

— А ты на дорогу смотри! — заорал Кавтарадзе. — Не надо мне тут это, понимаешь!

Петров невольно вжал голову в плечи.

— Так, Наташа, подержи, пожалуйста, «бэбик». Так хорошо?

— Нормально, — сказал оператор.

Егор посмотрел на камеру:

— Тряска сильная, Вадик?

— Какая есть, — ответил тот.

— Ну ладно, поехали. Мотор.

— Есть мотор.

Егор поднес ко рту микрофон.

— Мы с вами на автомобильной трассе, ведущей к аэропорту «Домодедово». А слева от нас — поезд, он тоже идет к аэропорту с Павелецкого вокзала. По понятным причинам мы лишены возможности вести передачу в прямом эфире, поэтому, когда вы будете ее смотреть, вам уже будет известно, чем все закончилось. А пока мы знаем только то, что в одном из вагонов этого поезда едет смерть. Самая настоящая. Взрывное устройство находится на террористке, женщине, чьи приметы не известны пока ни спецслужбам, ни, естественно, нам. Достоверно только то, что она в данный момент находится в поезде. Вот в этом. — Он подождал, пока Вадим спанорамирует с него на открытое окно, за которым шел поезд, и поинтересовался: — Ну как?

Глава 20

Телекомпания. Аппаратная

— Порядок, — ответил телеведущий, он сидел в аппаратной, рядом с техником записи и наблюдал Егора в монитор. — Добавь только одну реплику, я ее потом врежу при монтаже. После слов "... вам будет уже известно, чем все закончится"что-то типа того, что "а мы все, разумеется, надеемся на лучший исход"или что-то в твоем стиле — "уповаем на Господа ну и т. п.

Глава 21

Шоссе. «Фольксваген»

— Ты прав, — сказал Егор. — Сейчас Вадик поснимает поезд, потом допишем. — Он отложил микрофон, взглянул на бывшую жену, она тоже смотрела в сторону поезда, забыв в руках осветительный прибор под прозвищем «бэбик».

Он взял прибор, отключил, отложил в сторону.

Они встретились глазами.

— Ну спроси, — поняла Наташа.

— Спрашиваю. Тебе, конечно, не понравилось.

— Ты знаешь, — сказала она. — Мне это не нравится в принципе.

— Дайте-ка я сяду поближе к окну, — попросил оператор. Возможно, он понял, что предстоит семейная разборка, и решил отгородиться. Теперь супруги сидели почти вплотную.

— Знаю, знаю, — сказал Егор. — Основной мотив нашего развода — ты не одобряешь фанатизм.

— Не принимаю, — поправила она.

— Не принимаешь, — едко повторил Егор. — Ни в каких его формах. Даже в самых безобидных.

— У фанатизма безобидных форм не бывает, — сказала Наташа.

— Да ну? А если человек просто очень сильно, ну очень сильно, что-то любит? Свою работу, например. Да, погранично с фанатизмом. И что в этом дурного, если вдуматься? Фанатики перелопачивали миры и эпохи.

— Не знаю, но когда вдумываюсь я, то вспоминаю поножовщину на стадионах. От большой любви к футболу, как я понимаю, граничащей с фанатизмом. Или убийство Леннона. Кто-то просто очень любил «битлз», но погранично с фанатизмом, так следует понимать? А тот папарацци в тоннеле, из-за которого авария произошла? Что ему Диана и ее любовник? Он просто сильно любил свою работу, ну очень сильно, что в этом дурного?

— Блин, — Егор засмеялся. — По-твоему, я представляю угрозу для окружающего мира? -

Он положил свою ладонь на Наташину.

— И для себя тоже, — непримиримо сказала она, хотя руку не отняла. — Когда сборная Бразилии пропустила гол, два бразильца скончались от инфаркта: один — на стадионе, а другой — у себя дома, перед телевизором.

— Натусик...

— Наташа.

— Слушаюсь. Наташа, — Егор уже не сердился, на него нашел приступ великодушия, извечного великодушия мужчины перед женщиной, сильного перед слабым, избранного перед заурядным, — ну а эти двое горемык, они-то перед кем провинились? Вопрос, конечно, был несерьезный. И уж, разумеется, не требовал серьезного ответа. Скорее, призван был послужить в качестве средства временного примирения. Но Наташу сегодня было не пронять.

— Перед своими близкими, — сказала она. — Если ты способен любить до таких пределов, то лучше люби так тех, кто живет рядом с тобой. По крайней мере, оставишь след. В их сердцах. А не только в новостной передаче.

Глава 22

ЦОСС

Телефонный аппарат ВЧ внешне не представляет собой ничего особенного. Чуть удлиненный, светло-желтого цвета, без диска, — «слепой», как говорят связисты.

Генерал заканчивал короткий доклад секретарю Совета безопасности.

— Разумеется, Игорь Иванович. Будем ставить в курс. Всего доброго.

Он зашел в кабинет на минутку, позвонить. Даже не сел. По центру его служебного стола лежал блокнот с отрывными листами. На верхней странице его почерком было написано: "Звездная очанка". Генерал оторвал лист с надписью и пошел в приемную. Из-за своего стола поднялся помощник. Генерал протянул ему бумагу:

— Это я писал?

— Вроде вы... Ваш почерк.

— Вы знаете, что это означает?

— Никак нет, Юрий Александрович.

— Прошу выяснить.

Генерал вышел в коридор, сделал несколько шагов и вошел в дверь с надписью "Конференц-зал".

Бомж сидел в президиуме — других столов здесь не было. Перед ним были разложены тарелка с бутербродами, бутылка «Пепси» и стакан. В трех шагах от него молча стоял один из сотрудников управления. Генерал отпустил его движением головы, протянул бомжу руку:

— Юрий. Садитесь, садитесь, я тоже сяду... — Он сел. — Мы ведь почти ровесники, можно без церемоний... Алитет, если не ошибаюсь?

Бомж еле заметно усмехнулся:

— Не ошибаетесь.

— А почему не едим? Извините, но у нас в буфете сейчас, кроме этого, ничего нет.

— Трудно есть, когда стоят над головой.

— Ну сейчас-то никто не стоит... Я бы тоже не отказался.

— Угощайтесь, — великодушно разрешил бомж.

— Спасибо. — Генерал зажевал. — В пору моего детства был очень популярный фильм, — сообщил он с набитым ртом. — "Алитет уходит в горы".

— Угадали, — сказал бомж. — Он и моим родителям нравился.

— Я ем, а вы — нет. Неловко как-то.

Бомж аккуратно, двумя пальцами взял бутерброд, но есть начал не сразу.

— Я арестован? — прямо спросил он.

— Никоим образом, — сразу ответил генерал, будто ждал этого вопроса. — Вы даже не задержаны.

— Значит, вы просто рассчитывали, что я могу вспомнить что-то еще, — утвердительно сказал бомж.

Генерал перестал жевать, поднял на него глаза.

— А вы вспомнили?

— Пожалуй. — Бомж кивнул. — Возможно, я ошибаюсь... Это длилось всего мгновение, я ведь видел только ее ноги, и вот на какую-то долю секунды, вот так, параллельно ногам, — он отложил бутерброд, встал и показал, — что-то опустилось и тут же поднялось, золотистое такое, с блестками, я только нижний край увидел.

— Сумка, — быстро сказал генерал, а рука уже тянулась к телефону на столе, в этом здании телефоны были практически везде.

— Скорее всего, — сказал бомж и сел.

Генерал отщелкал две цифры, над третьей палец задержал:

— И вот еще что. Вы уверены, что обувь была синего цвета? А не голубого, к примеру?

— Синего, — уверенно сказал бомж. — Вот как эти кружочки.

Генерал поискал глазами кружочки.

— На вашем галстуке, — подсказал бомж.

Генерал взглянул на свой галстук. Кружочки на нем действительно были.

Отчетливо синего цвета. Палец нажал на кнопку.

Глава 23

Ташкент. Саммит глав государств

Саммит, как саммит. Круглый стол — в форме обода, — достаточно большой для того, чтобы за ним могли поместиться главы всех государств. Внутри обода разбит цветник, гигантская икебана — для того, надо полагать, чтобы глаза вышеозначенных глав могли отдыхать от созерцания друг друга. Микрофоны, безалкогольные напитки, хрустальные фужеры.

За спиной у каждого из глав — члены делегации, которую он возглавляет, сидят в соответствии со служебной иерархией — чем дальше от спины, тем ниже по должности. Самый ближний к президенту России стул пуст. Его хозяин, — секретарь Совбеза, — ненадолго отошел, поговорить по телефону.

Вот он вернулся. Сел, нагнулся к президенту, что-то вполголоса стал ему рассказывать. Или докладывать — это не принципиально. О чем-то чрезвычайном. Президент выслушал, встревоженно что-то спросил. Видно, о принятых мерах. Получил ответ — меры приняты. Такие-то, мол, и такие-то. А такие-то? — поинтересовался президент. Тоже приняты — успокоил его собеседник. Президент кивнул. И стал делать вид, что слушает очередного докладчика. А на самом деле задумался о том, о чем ему только что сообщили.

Встретился глазами с германским канцлером, их связывала личная дружба. Что-нибудь случилось? — спросил тот одним взглядом. Случилось, — тоже взглядом ответил президент. — Потом расскажу.

Глава 24

ЦОСС и поезд

— Нашла я твою записную книжку, — говорила Даша. — Какая же она голубая, самая настоящая синяя. Она на комоде лежала, под золотистым лукошком, на день рождения мне подарили, помнишь, я его на стену повесила, ну с блестками такими.

— Помню, — сказал Стычкин, еле скрывая досаду. Вон они — перед глазами — светло-голубые туфли и сумка, никакая не золотистая и ни с какими не с блестками, простая черная сумка на замке. — Ну пока.

— Пока, — Даша отключилась.

Ну вот. Приехали. И обувь не та, и сумка тоже. И не Федот, и не тот. Все начиналось сызнова.

Смотри в газету, Стычкин. Будто читаешь. И думай, думай. Потревожь компьютер. Вот он заработал, выдал картинку — что-то бежевое, нет, не что-то, ткань, конкретная бежевая ткань, и на ее фоне...

— Вам это интересно?

— Что?

Настя потыкала в газету пальцем, которую он «читал»:

— Такого рода дискуссии, — пояснила она свой вопрос.

— Ну как вам сказать... — потянул время Стычкин, быстро вводя себя в курс — половина газетной полосы была посвящена дискуссии, озаглавленной "Главная проблема человечества на рубеже веков. Ваше мнение?— скучно, — сказал он, не сомневаясь, что так оно и есть. — Все очень предсказуемо. Все говорят примерно одно и то же.

— В смысле, наркотики, СПИД, войны, терроризм...

— Вот-вот, — подтвердил Стычкин. — Ни одной свежей мысли. Промотали еще раз, быстро — ткань цвета беж и на ее фоне... Кстати, вагоны абсолютно того же цвета, приятного на глаз, но вагоны ведь из металла, а это была ткань, и на ее фоне...

— ... само человечество и есть.

Господи, принцесса, если б вы только знали, насколько мне не до вас.

— Вы так думаете? — спросил Стычкин.

— Да. Само человечество и есть главная проблема. Ведь все от людей. И добро, и зло. Все — от них.

Ее глаза сейчас были еще больше, чем всегда. Еще голубее, еще доверчивее. Это преступно — возражать таким глазам.

— В общем, да, — сказал Стычкин. — Вы молодец, Настя. Не по возрасту глубоко копаете. Начинаю вас бояться.

Она засмеялась. Извините, Вольфганг Амадеевич, тут даже вы отдыхаете. "Твои глаза, как два зеленых луга, и я ребенком кувыркаюсь в них". Голубых луга. В данном случае, бежевых луга. Чушь собачья. Вагоны цвета беж. Ну, конечно же, — бежевая ткань, и на ее фоне. Ну, конечно же.

— Пойду покурю, — сказал Стычкин. — Уже невтерпеж. Только не говорите, что это вредно.

— Я молчу, — якобы кротко сказала Настя. А в глазах — снова искорки. Насмешливые, какие еще.

— Если кто-то будет посягать на мое место, убейте его, — попросил, вставая, Стычкин.

— Хорошо, — сказала Настя.

Теперь, главное, — не торопиться. До тамбура, во всяком случае. Человек идет покурить, заштатная ситуация — надо заранее опустить руку в карман куртки, так делают все курящие, когда направляются к месту для курения, наверное, они предвкушают... Стычкин мог только предполагать, что предвкушают курильщики.

Он был некурящий.

И в кармане у него, естественно, не было никаких сигарет.

Вот и тамбур.

Остановился, огляделся. Никто вроде за ним не наблюдает.

А теперь можно поторопиться. На самую малость, разумеется. Чтоб не привлекать внимания.

Вперед.

Стычкин рванул на себя дверь соседнего вагона. Эту — на себя, следующую — от себя.

И так — до самого последнего вагона.

До ткани цвета беж.

Глава 25

ЦОСС

Бомж все-таки взялся за бутерброды. И за «Пепси» тоже.

В его жестах и интонации чувствовалось скрытое достоинство. Скрывал он его не специально — просто оно было неуместно в той жизни, которую он вел в последние годы.

— Выходит, вы за мной следили?

— Громко сказано. Контролировали, скорее, — признал генерал.

Искусство короткого выстрела. Взглядом. Южные люди владеют этим особенно филигранно.

— Из-за моей национальности?

— Можно сказать и так. Но не в том смысле, в каком вы думаете.

— Объяснить можете?

— Вполне, — кивнул генерал, объяснил доходчиво. — Люди вашей национальности практически не бомжуют.

Бомж задумчиво покрутил в руках пустой стакан. Усмехнулся чему-то своему. Затем вдруг сказал:

— Я против того, чтобы люди убивали друг друга.

— Знаю, — серьезно сказал генерал. — Вы это сегодня уже доказали.

— Вы, наверное, генерал?

— А что — не похож?

— Абсолютно не похожи, — сказал бомж. На его глаза что-то набежало. Какая-то шторка. Мутная, как предрассветный туман. — Я их навидался, генералов. — И он уточнил. — ТАМ.

Генерал промолчал. Дежурные слова он терпеть не мог. А другие в голову не приходили: он знал историю человека, который сидел перед ним, — слова, любые, были тут бесполезны.

Да и бомж их не ждал.

— Понимаете... — сказал он. — Когда возвращаешься из командировки, и вместо родителей, жены, трех детей находишь пепел... Когда даже похоронить некого... — Он поднял глаза на собеседника. — Тогда надо либо начать убивать, либо...

— ... либо прекратить фактическое существование.

— Да, — выдохнул бомж. Наверное, он впервые говорил на эту тему, не подпускал ее к себе все эти годы. — Разве не так?

— Не имею права судить об этом, — сказал генерал. — Для этого надо оказаться в вашем положении.

— Не дай вам Бог, — сказал бомж.

Генерал бросил взгляд на настенные часы в противоположном конце конференц-зала. Время шло.

— Вы их пока не поймали? — поняв, спросил бомж. Очень тихо.

Генерал покачал головой. Хотя не имел права даже на это.

— А откуда ваше прозвище? — спросил он. — Гудрон — это что-то профессиональное? Вы ведь руководили строительством шоссейных дорог, если не ошибаюсь.

— Это одна из фракций нефти. Самых незначительных, — шлак, по сути, — объяснил бомж — Нечто бесполезное, живет на поверхности асфальта, но при первых каплях дождя опасен. Они его растворяют, он становится, как масло...

— ... и машины ходят юзом, — закончил генерал. — Наблюдал. Теперь знаю причину.

— Но потом дождь его смывает, — сказал бомж. — Очень быстро.

"Понятно, подумал генерал. Мы, конечно, люди не восточные, но тоже умеем иногда. Метафорически мыслить, так сказать. Доживаешь свой век на поверхности асфальта, друг Алитет. И ждешь, когда тебя и вовсе смоет. Ясно".

Так он подумал. А вслух сказал:

— У меня к вам есть одно предложение.

Глава 26

Павелецкий вокзал

Они старались делать все предельно незаметно. Привлекли только сотрудников, одетых в штатское, чтоб не бросаться в глаза. Кинолога с собакой не выпускали из машины до самого последнего момента. Разговаривали вполголоса. Никакой суеты, никаких резких движений и жестов.

Но зевак все равно набралось. Человек сто, не меньше. Стоят себе по периметру и смотрят. Нюх у них, что ли? Почище любого кинолога. То есть, его собаки, в смысле. И этот еще под ногами вертится, мешает замок вскрывать, с красной повязкой на рукаве, ну как же — герой дня, можно сказать. Потенциальный, правда, пока. Ну все, замок вскрыли, дверцу «Лады» открыли.

— Давайте собаку, — велел старший из присутствующих.

Овчарка выпрыгнула из «уазика», кинолог еле поспел за ней, чуть с подножки не брякнулся прямо на асфальт, хорошо — догадался в последний момент поводок из рук выпустить, собака-то ученая, и без того свою задачу знает. Прыгнула в салон «Лады», как пантера из укрытия.

Обнюхала сверток, осталась равнодушна. Исследовала весь салон, от заднего подоконника до бардачка, — это уже по собственной инициативе, видать. И выскочила обратно, уставилась на кинолога, укоризненно виляя хвостом — зачем, мол, мотались в такую даль, какой придурок наводку дал?

А вон тот с красной повязкой. Все уже понял, линяет потихонечку, герой дня из него не вышел, даже потенциальный. Двое штатских отошли в сторонку.

— Странное дело, — сказал один. — Ни по одной базе данных не проходит. Не угнанная, не спец, никакая вообще, будто и нет ее вовсе. Почесали в затылках.

— Ладно, — сказал другой. — Давай на штрафную, там разберемся. Вызывай эвакуатор.

Глава 27

Телекомпания. Аппаратная, коридор

Телеведущий досматривал дописку, о которой просил Егора.

— ... Так, что, остается уповать на Господа, — закончил на мониторе Егор, чуть картинно пожал плечами. Выдержал необходимую паузу, поинтересовался по своему обыкновению. — Ну как?

— Си-эн-эн отдыхает, — объявил ведущий. — Дерзай дальше, Гоша. Всем привет. Всегда ваш.

Он пошел в коридор, в дверях столкнулся с ассистенткой.

— Новости есть? — полюбопытствовала она.

— Хочу как раз позвонить Борману, — сказал он. Сделал пару шагов в сторону, нажал на мобильнике всего пару кнопок — номер источника был давно закодирован.

— У него какой-то странный голос, — сказала ассистентка.

— Деревня, — сказал ведущий. — У них в трубках устройство специальное, чтобы голоса искажа... Алло! Это я, хотел узнать, может что-то новень... — Он смешался ненадолго, смутился даже, он был из тех, кто дает отбой в ухо часто, а сам получает редко. — Все очень нервные стали... — пробормотал он. И сказал мобильнику, как живому. — Между прочим, не за бесплатно работаешь, мудак хренов!

Глава 28

ЦОСС. Техническое помещение

Капитан Ершов бросил мобильник на стол, присел рядом с Дашей.

— Ты чего? — спросила она, не отрывая взгляда от всего того, от чего не имела права отрывать.

— Да друзья... Зовут вечером на шашлыки, мне бы их заботы... Ну что тут?

— Ничего пока.

Подошел одутловатый. Ершов встал, тот был мрачнее тучи.

— Ну, что, оказались на исходной?

Вопрос был риторический, никто не стал на него отвечать.

— Немудрено, — сказал одутловатый, воззрился на Ершова. — А?

— Не понимаю, товарищ полковник, — сказал капитан.

— А чего тут понимать? — Одутловатый повысил голос, чтоб набрать побольше слушателей. — Он уже год почти без всякой практики. — Он кивал головой на карту. — Что он там может наработать один? Он и в группе не очень-то...

Ершов почувствовал, что краснеет. Сжал губы.

Зеленая точка медленно ползла по карте в южном направлении. Параллельно ей, чуть левее, двигалось еще несколько точек, тоже зеленых. И все они мигали. Часто — часто.

Глава 29

Поезд

Не торопись, Стычкин, не торопись. Нормальный деловой шаг, не более. Заодно и обувку всю пересмотрим, может по первому разу не доглядели чего... Да нет. Доглядели. Нет этих платформ, будь они неладны — и синие, и голубые, и все остальные.

Три вагона прошли.

Четвертый — сплошь дети. Шумят, галдят, как им и положено, один только мужик при них, в последнем ряду, умаялся видно, спит, и как умудряется в таком-то шуме. Пятый вагон — тоже дети. И тоже — всего один взрослый, помоложе, не спит, играет с детьми в какую-то устную игру, да еще шутить успевает, только дети умеют так весело смеяться, с годами эта способность притупляется.

А ноги-то, ноги — сплошь замызганные. Ну да — лужи на перроне, а детям, известное дело, ни есть ни пить — дай только по лужам пошлепать. Стоп. Какая-то мысль мелькнула. Даже шаг сбила.

И упорхнула. Черт, не ухватил. Может, впорхнет снова, будем ждать... А вот и тамбур. Перед шестым вагоном. Последним. Вон они. В самом ближнем к тамбуру ряду. Сплошь бежевые, кофточки только белые, сумка вот у этой должна быть, которая в талии потолще, отсюда, правда, не видно, но она была у нее в руках, была, золотистая такая, в блестках. А весь остальной вагон — дети. Только дети, на них, видать, мужика не нашлось. Вперед.

Стычкин миновал тамбур, навис над двумя бежевыми униформами. Вот сумка, на коленях, золотистая, но это не блестки, точки скорее, бледно-желтого цвета...

— Так. Вы сотрудницы вокзала?

— Да. — Рука полезла в сумку. — Мы из службы безопасности.

— А вы видели, что у вас в тамбуре творится? Растерялись. Обе.

— А что там?

— А вот вы выйдите и посмотрите — что там! Расселись, понимаешь!

— Не кричите, здесь дети.

Но встали. Тоже обе. Двери Стычкин оставил открытыми.

— Вижу, не слепой.

Пошли. Теперь главное — вклиниться между ними, удалось — та, что с сумкой, впереди, другая — сзади.

Первая вошла в тамбур, Стычкин за ней — вот оно, рука нырнула в сумку, была не была, терять все равно нечего, Стычкин резко толкнул ее вперед, одновременно сделал рывок и сам, успел сунуть руку в сумку, схватиться с ней за какой-то предмет, за право обладания им, вернее, — цепкие какие у нее пальцы, клещи, прям, ни отодрать, ни сдвинуть — а куда ты, на фиг, денешься, все, отодрал, овладел, вырвал свою руку с предметом из сумки, но рассмотреть не успел, вторая бросилась сзади, ухватила за волосы, — больно, блин! — свободной рукой схватил ее за талию, крутанулся вместе с ней, швырнул прямо на коллегу, попутно ребром ладони сбил руку с головы — все, зажал обеих в углу, плотно, грубовато, конечно, но, если посмотреть со стороны, вполне может сойти за любовь втроем...

— Стоять! И молчать! Я сотрудник спецслужб, успокоились быстренько обе, ну — кому я сказал?

Попутно Стычкин скосил глаза на предмет в ладони.

Газовый баллончик. Маленький, пузатый, даже с предохранителя не снят.

— Хотя бы с предохранителя сняла. — Бежевые, тяжело дыша, недоверчиво смотрели на Стычкина. — Какой бедолага вас учил?

Молчат.

Стычкин ослабил хватку, отодвинулся, продолжая зорко следить за обеими.

— Ладно, — сказал он. — У вас мобильник есть?

Обе презрительно усмехнулись, одна протянула ему мобильник:

— На, подавись. — Они по-прежнему принимали его за грабителя.

— У меня свой есть, тетеря. Позвоните вашему сотруднику в первом вагоне, скажите, что его просит подойти сюда человек с правами.

Кажется начало доходить, но очень медленно.

— Живее!

Помогло. Уже набирает. Даже голос прорезался, но пока с заиканием:

— С каки... С какими п-правами?

Честно говоря, вопрос правомерный. Мы все с правами. Под конституцией живем.

— С водительскими, — сказал Стычкин. — И с букетом гвоздик.

Глава 30

Аэропорт «Домодедово»

Пейзаж после битвы.

Пустая автостоянка, осталось только три автомобиля в разных ее точках, один из них почему-то свален на бок. Сломанный шлагбаум. Повсюду брошенные вещи — сумки, тюки, чемоданы, особенно их много вдоль стеклянной стены аэровокзала. В две «скорые» грузят помятых в давке. По площади сомнамбулически бродят сотрудники силовых структур. По периметру цепью стоит ОМОН.

Похоже на дурной сон.

Аналогичная картина и внутри здания аэровокзала. Любая инфраструктура, которая круглосуточно бывает заполнена людьми, лишенная таковых, начинает выглядеть очень странно, почти ирреально. Пусто в зале, пусто на лестницах, пусто за стойками регистрации, пусто в буфетах и кафе, пусто в залах ожидания, в накопителях, на летном поле, везде пусто — и это выглядит странновато и даже страшновато. На гладкой полированной платформе большегрузных весов сидели две пожилые женщины в одинаковых желтых униформах. Уборщицы. Или технички — так они именуются в штатном расписании.

— Ну?

— Ну и все. Еще с часок на среднем огне постоит, и подавай.

— А ты без чернослива готовишь?

— А на фига чернослив-то?

— Ну вот ты сразу — а на фига. Ты бы спросила сперва, а для чего он нужен, может что-то полезное для себя услышишь.

— А чего я? Я так и спросила — а на фига, мол, он нужен, чернослив твой сраный?

— Ну и дура.

— Сама дура. Сколько лет готовлю, ни разу не слышала, чтобы в эту подливу чернослив добавляли.

— А потому что ты вообще ничьих советов не слушаешь. Вот взорвут тебя сейчас и правильно сделают.

— Ага. Меня взорвут, а ты тут останешься. Весы жопой протирать. Если хочешь знать, с тобой вместе даже взрываться неохота. Ты и там будешь мне про чернослив задвигать. Захохотали.

— Слышь, нет, ты только представь себе, у нас крылышки за спиной уже, а я тебе про чернослив!

Захохотали пуще прежнего, затолкали друг друга плечами. Мимо шел мужчина в форме. Остановился, нахмурился:

— А вы почему еще здесь, вам, что, особое приглашение нужно?

— Да пошел ты! — почти хором, дружно, отмахнулись от него. И поехали дальше:

— А представляешь, приходят наши мужики домой, садятся за стол и ждут, когда им кушать подадут.

— А нас нету! Мать честная!

— Ну! А мы — взорвалися! Ой, не могу!

Тут и мужчина хохотать начал. В форме который.

Так и хохотали все трое. До коликов в животе. И не только в нем.

Глава 31

ЦОСС. Отдел кадров

Начальник отдела кадров, видимо, был в отпуске. Генерал сидел за его столом, дочитывал объективку Стычкина, рядом, судя по фотографии, лежало его же личное дело. За приставным столом сидела сотрудница отдела, молча ждала — личные дела здесь не выдавались никому, даже начальство могло ознакомиться с ними только на месте. Генерал сбросил очки, потер пальцами лоб.

— Спасибо, Ольга Юльевна, забирайте.

Она ушла в дальний конец комнаты, к металлическим стеллажам, завозилась, отпирая и запирая картотечный ящик.

Генерал пожевал губами.

— Что-то я не понимаю, — сказал он. — Капитан Стычкин стрелял абсолютно правомерно, подполковник Кавтарадзе просто физически не успел бы разобраться в ситуации и отдать приказ. — Генерал говорил чуть размереннее обычного, как бы заодно проверяя себя.

— Но если бы и успел, приказ был однозначный — стрелять на поражение. Ведь даже Стычкин опоздал на какие-то две — три секунды, тот мерзавец успел передать сообщение. И ребенка убили. Стычкин среагировал мгновенно, и не его вина, что он запоздал. Женщина подошла к столу.

— Тут были еще несколько секунд, — тихо сказала она. — Тоже потерянные.

— Какие?

— Майор Шешеня и капитан Захарько должны были находиться возле фургона, в котором держали ребенка. НЕПОСРЕДСТВЕННО возле фургона. Но было тридцать пять градусов жары, и они отошли в тень, метров на десять. А когда попытались ворваться в фургон, было уже поздно.

— Тоже не факт, что успели бы, — сказал генерал. — Насколько я понимаю, ребенка застрелили сразу после телефонного сообщения.

— Я тоже думаю, что не успели бы. Но... — Женщина замешкалась на секунду. — Но этим им укоротили язык.

— Чтоб выгородить капитана Янчукова, с самовольства которого все, собственно, и началось, так?

— Да, — сказала женщина.

— Кто такой?

— Его потом от нас забрали, перевели за границу. По линии МИДа.

— Вы поняли мой вопрос, Ольга Юльевна.

— Так точно. Капитан Янчуков — пасынок премьер-министра.

Генерал погладил ладонью полированную поверхность столешницы.

— Занимательная профессия, — сказал он. — Перспективная. — Поинтересовался, как бы невзначай. — А кто делал анализ операции?

— Капитан Ершов, — ответила женщина. Добавила, уже от себя. — Анализ был точный. Но Ершов не смог прийти на суд чести. По объективным причинам.

— Бывает, — как-то очень легко согласился генерал. — Все промолчали, чтоб не топить этого пасынка, для проформы вынесли порицание капитану Стычкину, а чего, — брань-то на вороту не виснет, верно? — а у капитана вдруг амбиции взыграли, всю песню испортил, надо же — непонятливый какой оказался, понимаешь, неблагодарный даже, можно сказать, ну и скатертью дорога, найдется и на его место двоюродный какой-нибудь. Или внучатый, на худой конец. — Генерал вдруг задрал голову и закричал кому-то невидимому, наверху. — Бывает! И не такое бывает! Херня все это, если вдуматься! Не стоит вашего внимания!

Женщина молчала, опустив голову.

Кто-то сунул голову в дверь, но исчез раньше, чем его успели бы опознать. Генерал встал, сделал пару шагов к выходу.

— Подготовьте приказ о восстановлении капитана Стычкина, — сказал он. Согласно штатному, с выплатой компенсации, с надбавкой за звание -словом, со всеми этими вашими... — В последний момент генерал заменил одно слово на другое. — ... прибамбасами.

Глава 32

Поезд

— Да-а, — протянул вокзальный секьюрити. — Дела.

Они по-прежнему стояли в тамбуре — теперь уже вчетвером. Девушки выглядели чуть испуганными — то ли еще не отошли, то ли от информации, полученной от Стычкина.

— Ладно, разбегаемся по местам, — сказал капитан. — Кобуру расстегни, «Макар» с предохранителя сними. Мало ли.

— Есть. — Секьюрити нырнул в проход между вагонами.

Стычкин взглянул на бежевых.

— Это я у вас одолжу, — сказал он про баллончик. — На всякий случай.

— Конечно, — сказала та, что с сумкой.

Стычкин перевел взгляд на другую, дотронулся до своих волос:

— Больно и обидно.

Она смутилась.

— Просто вы ее толкнули, а она... — Вторая бросила на нее упреждающий взгляд, но было поздно. — ... а она беременная.

— С наступающим, — сказал Стычкин.

Стычкин шел по вагонам обратно.

Мама родная. Что правда, то правда — ... аршином общим не измерить. Ну скажите на совесть — просторы какой еще другой страны бороздят беременные секьюрити? Вот и мы о том же. Благословенна страна Россия.

А братья-близнецы по-прежнему справа. Но теперь уже далековато, не всегда увидишь.

Так-так-так. Показалось? Ну-ка, ну-ка, что это еще за серебристый друг? Не показалось — блик. Точно блик. И еще один.

В очередном тамбуре Стычкин придержал шаг. Отщелкал номер.

— Даш, слышь, а эти близнецы вроде в шоу-бизнесе трудятся. Мне только что этот журналист звонил, ну серебристый «фолькс» у которого, просил с ними познакомить, больше никаких новостей.

Глава 33

Ташкент. Саммит глав государств

Германский канцлер подошел к нему во время чаепития. Улучив момент, они с пиалами в руках отошли в какой-то угол.

— Жаль, что я ничем не могу тебе помочь, — сказал канцлер.

— Чума, — сказал российский президент. — Самая настоящая чума. — Он говорил по-немецки лексически безупречно, но свойственные себе интонации не менял. — Неужели мы все вместе не справимся с этим?

По залу, в углу которого они стояли, расхаживали главы государств — белые, черные, желтые, — маленькая модель планеты.

— Справимся, — сказал канцлер и добавил со скрытым значением. — Если все вместе этого захотим.

Президент его понял. Кивнул.

— Я тоже часто думаю об этом, — сказал он. Некоторое время они оба рассматривали своих многочисленных коллег по власти. Затем президент вдруг сказал:

— Чертовы деньги. Канцлер хотел что-то добавить, но в это время к ним подошла девушка в узбекском национальном наряде.

— Уважаемым господам предлагают переодеться, — сказала она.

Глава 34

ЦОСС

Они стояли в техническом помещении, перед картой.

— Передвижная видеостанция, — докладывал сотрудник, проверивший только что последнюю информацию Стычкина. — Телерепортер Егор Караваев. С бригадой.

— Выходит, утечку дал кто-то из нас? — Генерал обвел глазами тех, кто стоял рядом.

— Немудрено, — сказал одутловатый. — Миндальничаем больно. Либеральничаем.

— Поставьте в известность Кавтарадзе, — велел ему генерал.

Полковник кивнул, отошел.

Генерал взглянул на стоящего рядом Ершова.

— По поводу источника утечки соображения имеются? — прямо спросил он.

— Никак нет, — ответил Ершов. — Но это уже не в первый раз.

К его удивлению, генерал сказал:

— И не в последний, думаю.

Подошел кто-то из сотрудников с трубкой радиотелефона.

— Из Питера, товарищ генерал, — сообщил он. — Магомедов.

— Спасибо, — генерал взял трубку, но, прежде чем отойти в сторону, поинтересовался: — Кстати, Сергей Сергеич, почему вы не явились на суд чести?

Ершов сглотнул. Убежал взглядом в сторону, но тут же вернул его.

— Отца в больницу отвозил, — доложил он. — Инсульт.

Генерал медленно кивнул.

— Сочувствую, — сказал он. — А как сейчас?

Капитан сразу не сообразил.

— Отец, в смысле, — пояснил генерал.

— Спасибо, выдюжил, — ответил Ершов.

— Ну и хорошо, — сказал генерал.

И, уже отходя, поднес трубку к уху.

Глава 35

Поезд

Осенило в последнем тамбуре. Стычкин остановился даже, крутанулся аж, только по лбу себя не стукнул, в который мысль обратно впорхнула. Не Бог весть, конечно... Еще не факт, как говорится. Да и ...

Стычкин посмотрел куда-то вниз. Озадачился.

А, может, и факт. Проверки требует.

Спустя пару секунд он шлепнулся на свое место в первом вагоне. Деловито осведомился:

— Меня никто не спрашивал?

— Нет, шеф, — сказала Настя. — А вы сразу две выкурили?

— Я и вправду вас боюсь, — признался Стычкин. — Загадочное поколение. Всезнающее. Счастливое.

Этот «баунти» какой-то неисчерпаемый. Но она его уже не ест. Просто забыла в руке, так бывает.

— Счастливое, — повторила она. — Вы не читаете журнал «Люди»?

— Стыжусь, — сказал Стычкин. — Даже не знал, что такой существует.

— В последнем номере статья была. Про мое поколение. Парень и девушка выросли на Северном Кавказе. Она русская, он нет. Вместе с первого класса. Потом война. Всех их близких перебили. Те — русских, русские — тех, обычное дело. — Рассказывая, Настя неотрывно смотрела на Стычкина. — Только они и выжили. Он отказался от кровной мести, не тот характер. На него начали коситься. Свои же, у них с этим строго. И они уехали в Москву.

А через неделю его скинхеды забили. В метро. Насмерть.

Почему-то стало слышнее, как бьют на стыках колеса.

Гораздо слышнее, чем было до этого.

— Счастливое поколение, — сказала Настя.

— Кошмар, — сказал Стычкин, вполне искренне.

Она отвернулась. Опять поволока. Теперь была возможность посмотреть вниз. Стычкин посмотрел. Куда-то вниз. Снова, как в тамбуре. Стычкин посмотрел куда-то вниз, вниз.

Настя поднялась, немного неожиданно. И сразу пошла, он даже не успел встать, чтоб уступить ей дорогу, она протиснулась между ним и спинкой перед-него сиденья, спиной почему-то, принцессы, если честно, протискиваются лицом, — и в кино, и в театре, и в поезде, — не будем судить так строго, расстроилась, видно, от пересказа журнальной статьи, поволока в глазах крепчает...

— Я это выкину.

Остаток «баунти» имеется в виду.

— Дали бы мне.

— Ничего, я сама, спасибо.

Пепельница там, в самом начале вагона, на стене, рядом с газетной тележкой. Идти она будет секунды четыре. Стычкин, почти не меняя позы, бросил руку к ее пакету, приоткрыл его. Черт. Пакет в пакете. Тоже полиэтиленовый, аккуратно свернутый. Она уже у цели. Сейчас выбросит остаток неисчерпаемого и повернется. Этот встал, — которого ушастый обокрал, — завозился на полке, перекрыл Настю на пару секунд, а что толку — полиэтилен ногтем не расковыряешь, общупал только, как смог, затем восстановил все, как было, заранее встал, уступая ей дорогу.

Она уже идет обратно. Печальная. Взвалившая на свои хрупкие плечи все проблемы своего поколения.

Стычкин не удержался. Вновь посмотрел куда-то вниз. Хотя в этом уже не было никакой нужды.

Глава 36

Шоссе. Передняя «Волга», «Фольксваген»

— Понял, товарищ полковник. — Кавтарадзе вернул трубку телефона на рычаг, подумал немного, поднес к губам рацию. — Седьмой, я шестой, мы тут задержимся, продолжайте движение. Старший — капитан Захарько.

— Шестой, я седьмой, вас поняли, продолжаем движение.

— Давай, дядя Федя, тормози, — велел водителю подполковник. — Сзади педерасты завелись.

Водитель «Фольксвагена» еле успел среагировать.

Он никогда не видел, чтоб автомобили прыгали назад.

Собственно говоря, этого не было и сейчас, возник лишь кратковременный оптический обман, потому что «Волга», которая, казалось, шла далеко впереди, вдруг резко подала влево и в следующее мгновение оказалась перед капотом «Фольксвагена» — вот тут-то водителю и показалось, что она прыгнула, он еле успел вывернуть руль, одновременно тормозя, ткнулся в небольшую груду щебня на обочине.

Егор выскочил из машины, пошел навстречу двум мужчинам, вышедшим из «Волги».

— Пресса! — заранее объявил Егор, тыча пальцем в то место на груди, где было пришпилено его репортерское удостоверение. — Вот мое удостоверение!

К его удовлетворению мужчины остановились.

Остановился и он.

И тут Кавтарадзе сказал:

— Засунь его себе в жопу. Помешаешь проведению операции — твою маму вы...у.

— Не смейте мне тыкать! — закричал Егор, будто это и было самое главное.

— Прошу прощения, — сказал Кавтарадзе. — Помешаете проведению операции — вашу маму вы...у.

Мужчины круто повернулись и пошли обратно, к своей машине.

А в салоне «Волги» в это время капитан Петров поинтересовался у водителя:

— Дядь Федь, а чего они все время на меня пальцем показывали?

— А ты на Шуркином месте сидишь, — объяснил водитель. И показал в ту сторону, куда ушел поезд, чтоб еще понятнее было.

Егор вернулся в «Фольксваген», сел и по лицам коллег понял, что они все слышали. Почему-то это уязвило его самолюбие гораздо сильнее, нежели общение с Кавтарадзе. Он до крови закусил губу, но это не помогло, подбородок предательски задрожал.

— Поехали, — глухо сказал он.

И в следующее мгновение обнаружил на своей щеке Наташину ладонь. Взглянул на бывшую жену.

И ничего, кроме обычного человеческого участия, в ее встречном взгляде не обнаружил.

Благодарно схватил ее ладонь — быстро, будто боялся, что она передумает. Спрятался в ней лицом. Как маленький.

Глава 37

ЦОСС

Бомж сидел все на том же месте, в конференц-зале. Только теперь за его спиной никто не стоял.

Когда подошел генерал, он поднялся.

— Ну что, надумали? — спросил генерал.

— Я согласен, — просто ответил бомж.

— Ну и отлично. Вам сейчас выправят документы и отправят в Питер. У меня там товарищ со студенческих времен, я ведь тоже строительный заканчивал. У него своя фирма, я с ним уже договорился насчет вас. Кстати, ваш соотечественник, — добавил генерал. Пожал плечами. — Простое совпадение. Бывает.

Он взглянул на часы.

До прибытия поезда в Домодедово осталось чуть менее восьми минут.

— Плохо? — понял бомж.

— Плохо, — кивнул генерал.

Глава 38

Шоссе. Передняя «Волга»

Снабженная неродным, гораздо более мощным движком, «Волга» восстановилась на своей прежней позиции через пару минут.

— Теперь дорога слева пойдет, — сообщил водитель. — После переезда.

— Раньше поезда проскочить успеем? — спросил Кавтарадзе.

— И не мечтай.

— А крюк потом большой?

— Приличный.

— Поезд потеряем?

— Считай, до самого аэропорта. Почти что.

Подполковник выматерился. По-грузински.

— Мы ж не вертолет, — по-русски ответил ему водитель.

— Там проселочная дорога есть, параллельная путям, — сказал вдруг капитан Петров. — Можем выйти на нее, возле школы. Минут через пять, я покажу. Кавтарадзе обернулся:

— Откуда знаешь?

— Девушка у меня там была, — не совсем охотно объяснил Петров. — Ездил к ней.

— Стыдно, дядя Федя, — резюмировал Кавтарадзе.

— А чего ж стыдно-то? — проворчал водитель. — Я лично по бабам уже давно не шастаю.

Глава 39

Поезд

Она подошла. Они почти соприкоснулись, когда она проходила на свое место — теперь уже не спиной, лицом.

Ну очень большие глаза. Очень голубые. Скромная плащевая курточка. Белое платье под ним, простенькое такое, с розовым отложным воротником. Матерчатые пуговицы на груди, в ряд, штук шесть, тоже розовые. И в тон, — то же розовые — туфельки с короткой союзкой и фальш-пряжкой, металлической, окрашенной под золото.

Аккуратные розовые туфельки, девственно чистые, без единого пятнышка.

Без единого пятнышка.

— Что с вами? — участливо спросила Настя. Оклемалась уже от переживаний за чужую не сложившуюся жизнь, улыбается — насмешливо даже, на самую малость. Вы болван, Штюбинг. Это из фильма "Подвиг разведчика". Вы болван, Стычкин. Это пока не из фильма. Но еще не вечер.

— Колики, — сказал Стычкин. — Ерунда, сейчас пройдет. Что-то не то съел.

— Слишком много курите, наверное. — Очень красивые тонкие пальцы. От «баунти» освободились, теперь крутят-вертят медальон, в котором, согласно устной информации, нет фотографии.

— От курения коликов не бывает, — сообщил Стычкин и медленно, на чуть согнутых ногах и с выражением лица типа "какой, однако, кислый лимон попался побрел в тамбур.

В тамбуре курила женщина из второго вагона.

— Пройдите в следующий тамбур, гражданка. — Строго велел ей Стычкин. — Мы тут перезамыкание дизеля будем проводить.

После того, как тамбур опустел, Стычкин нырнул в туалет, но дверь закрыл не до конца, оставил щель, чтоб видеть вход в первый вагон. Набрал номер.

— Даша, времени нет, поэтому докладываю напрямую, — Стычкин выдохнул. — Думаю, я ее вычислил.

Глава 40

ЦОСС

В техническом отделе стояла мертвая тишина, если не считать, конечно, голоса Стычкина.

— ... такого же цвета. Еще у нее белый полиэтиленовый пакет, внутри которого, скорее всего, тоже в пакете, та самая обувь и сумка. Буду действовать по ситуации. Семь минут еще есть.

— Саша, в ближайшие пять минут ребята тебя сопровождать не смогут, там нет параллельной дороги.

— Понято. Даш, не знаю, где я прокололся, но у меня ощущение, что она меня тоже срисовала. Дай Бог ошибиться.

При этих словах генерал ощутил на затылке взгляд, повернулся.

Одутловатый отвел глаза.

— Дай Бог, Саша.

— Да, и Ершу привет передай. Я чего-то напустился на него давеча. Ершов подбежал, нагнулся к микрофону:

— Саша, мне нужно тебе кое-что сказать. Но это потом, когда вернешься.

В селекторе хмыкнуло:

— Ладно, я пошел.

Теперь уже наступила полная тишина, но не более, чем на секунду.

— Вы что себе позволяете, капитан Ершов?! — почти закричал одутловатый. — Личные разговорчики во время операции?! Я к вам обращаюсь!

Ершов вытянул руки по швам, хотя, как и все, был в цивильном:

— Виноват, товарищ полковник.

— Вот, Юрий Александрович. — Одутловатый повернулся к генералу. — И это — наш лучший аналитик.

Генерал хмуро кивнул.

— Вот на анализе и поговорим, — сказал он. Но врожденное чувство справедливости пересилило неприязнь к заместителю, — пока не очень мотивированную, чисто интуитивную, — и он добавил: — А в принципе, вы абсолютно правы, товарищ полковник.

Глава 41

Железнодорожный переезд. Передняя «Волга», «Фольксваген»

Поезд прошел через железнодорожный переезд примерно в тот момент, когда Стычкин входил в туалет.

В обеих «Волгах» пассажиры пригнулись вперед, пытаясь разглядеть хоть что-то, особенно в первом, будь он неладен, вагоне, но сфокусироваться не удалось ни на чем, даже ненужном.

Когда поднимали шлагбаум, Кавтарадзе взглянул в боковое зеркальце и увидел «Фольксваген» — тот предусмотрительно держался на приличном расстоянии.

— Вот, настырные... — пробормотал подполковник.

— А с другой стороны, они только так и должны свой хлеб зарабатывать, — сказал водитель. — Если вдуматься.

— Слушай! — рассердился Кавтарадзе. — Ты их водитель или наш?

— Я вспомнил, — сказал в это время Егор. — Там есть школа одна, мимо нее можно выехать на дорогу, она старая очень, зато идет рядом с насыпью, поезд будет, как на ладони.

— А может, не надо? — сказал оператор. — У нас материала уже — выше крыши, Гоша. Зачем гусей дразнить?

Егор изумился:

— Вадик, ты ли это?

— Я, Гоша, — сказал оператор. — Я. У меня предчувствие нехорошее. Все. — Он отложил камеру на соседнее сиденье. — Сегодня я больше не работаю.

Шлагбаум открыли. Машины вокруг двинулись.

Водитель ждал решения — старшим был Егор.

— Решай, — сказала Наташа.

— Давайте так, — сказал Егор. — Добираемся до этой школы. Если все по-прежнему — дальше не едем, возвращаемся обратно. Идет?

Оператор пожал плечами. Но возражать не стал.

Глава 42

Поезд

Насти на месте не было — первое, что он увидел, вернувшись в вагон. Она стояла слева, у боковой стены, там, где была небольшая площадка между четвертым и пятым рядами. Полиэтиленовый пакет висел у нее на руке, где-то в районе локтевого сгиба, а ладонь была внутри, в пакете.

А другая ладонь уже крепко держала красную рукоятку стоп-крана. Они встретились глазами, и Стычкин понял, что время игр кончилось. Окончательно понял. Поэтому он просто направился к ней. Шагах в трех остановился. Поинтересовался:

— Что собираешься делать?

— Колики прошли? — поинтересовалась она.

— А их и не было, — сказал он, курсируя взглядом между ее лицом и руками.

— Знаю, — сказала она.

В это время компьютер услужливо подсунул ему картинку, хотя в этом нужды уже не было.

"Вы сразу две выкурили?— спросила она. Сразу две, сразу две, сразу две... Они уже начали привлекать внимание. Что-то понять пока было трудно. Но можно было заметить. Напряженность в позах. Ее руку на стоп-кране. Другую руку — неестественно выгнутую, с вздувшимися на нежной молочной плоти жилами, уходящую в белый, без всяких рекламных надписей простенький полиэтиленовый пакет и будто сжимающую там какую-то другую, невидимую ручку, гораздо более опасную, чем вот эта, на стене вагона, красная, с крошечной оловянной пломбочкой, из которой двумя маленькими рожками выглядывают простые черные нитки, с малюсенькой бахромой на концах, оттого, наверное, что висят давно и без дела...

— Я дурак, — сказал он. — Такой большой мальчик — и дурак.

— Тебе просто не повезло, — сказала она. — Я знаю, как пахнет от курящих. Слишком хорошо знаю.

— Он курил, — утвердительно сказал Стычкин.

— Да, — кивнула Настя. — А ты как понял? Про меня.

Отстань, компьютер. Отцепись — вот не думал, что ты такой у меня злорадный. Не подсовывай мне эти розовые туфельки. Господи, я ведь рядом с ними сидел всю дорогу, с туфельками этими — которые без единого пятнышка, даже на краешках подошв без единого пятнышка, они же не могли быть такими безупречно чистыми, весь перрон Павелецкого был в лужах, в больших, глупых, грязных, неизвестно откуда взявшихся лужах, и ты вправду дурак, капитан, вот, послушай, как колеса на стыках стучат — дурак — ты — дурак, дурак — ты — дурак, дурак — ты — дурак...

— Долго рассказывать, — сказал Стычкин. — Да и не важно это.

— Ты прав, — сказала она. — Это не важно. — Отрешенно улыбнулась своими лучистыми глазами. Добавила. — Потому что я все равно сделаю то, что ДОЛЖНА сделать.

И рванула ручку стоп-крана.

Глава 43

Передняя «Волга»

Еще минуты три — четыре они не смогут наблюдать поезд — ни на взгляд, ни даже на слух. Обычный пригород, каких много, они должны углубиться в него, уйти вправо, затем снова вправо и мимо школы, ведомой только капитану Петрову, снова получить возможность контакта с поездом, и опять всего лишь визуально — к сожалению. Кавтарадзе обернулся к Шешене.

— Слушай, если все будет путем, тьфу-тьфу, конечно, — он легонько постучал согнутым пальцем по макушке водителя, — извини, дядя Федя, давай возьмем вечером Сашку, посидим в нашей шашлычной вместе, помнишь его любимое выражение — "поставим точки над «с»?

— Он с нами сидеть не будет, — сказал Шешеня. — Он нас пошлет.

— Куда пошлет? — по инерции спросил подполковник.

— А вот к этому самому «с» и пошлет, — уточнил водитель, заодно отплатив за униженную макушку.

Кавтарадзе не вспылил. Даже не обиделся.

— Хорошо, — согласился он. — Куда пошлет, туда и пойдем. — Он подумал и добавил. — Но его тоже с собой возьмем. Сейчас шашлычные везде есть.

Глава 44

ЦОСС

Кто-то не выдержал, выматерился, негромко, почти шепотом, но услышали все, потому что в техническом помещении на какое-то мгновение воцарилась гробовая тишина. Зеленая точка, все это время неуклонно двигавшаяся вниз по карте, пару секунд назад неожиданно замерла. А несколько других, тоже зеленых, точек, которые все это время шли параллельно первой, беспечно двигались куда-то влево, по дуге, в обход.

— Сообщите опергруппе, быстро! — приказал генерал.

Глава 45

Поезд

Музей восковых фигур.

Нет, сначала, конечно, кто-то упал, кто-то стукнулся, кто-то закричал, завопил, завизжал почище любых тормозных колодок, ушастый вообще улетел куда-то вперед, прямиком врубился лбом в колени спящего, — или спящей? — колобка, тяжела ты, доля воровская, очухается не скоро, а его сосед, обворованный который, чтоб не упасть, за шею впереди сидящего ухватился, да так, что чуть не удушил — Стычкин успел удивиться, что зафиксировал все эти картинки, хотя и сам чудом удержался на ногах, — вон две взъерошенные физиономии в дверном проеме, машинист и помощник, видать, вон несостоявшаяся террористка за ногу ухватилась, обутую в то самое, светло-голубое, на платформах, ноет, потянула ее, наверное, а вот секьюрити, очень грамотно все сделал, без всяких резких движений, просто встал, как многие, повернулся лицом к основным событиям, а руку наизготовку держит, у бедра, чтоб, значит, да чего тут объяснять, — но это все было сначала, сразу после того, как экстренное торможение произошло, по известной причине, а вот уже потом наступил момент, — а он всегда почему-то наступает в подобных случаях, — когда все замерли — как в вышеупомянутом музее.

А Настя где стояла, там и стоит. В той же позе. Будто физические законы лично на нее не распространяются.

Правда, и Стычкин на своей прежней позиции. Но у него тело тренированное. Плюс навыки. Плюс он был к этому готов, плюс профессиональная необходимость.

Куча плюсов набирается. А толку — ни от одного. Тебя макнули, капитан. Знамо, куда. А Настя, тем временем, объявила, пользуясь музейной тишиной:

— Никому не двигаться. На мне — взрывное устройство. — И показала глазами на Стычкина. — Он знает.

— Это правда, — подтвердил Стычкин с разгулявшимися желваками. — Прошу всех не делать ничего необдуманного.

Настя, пока он говорил, быстро позу сменила. Теперь одна рука держит пакет на весу, на уровне груди, а другая — в пакете почти по локоть. Теперь ей еще удобнее. Привести в действие то, что там — внутри.

— Не верьте ему. — У кого-то голос прорезался. — Они вместе тут. Миловались вон там всю дорогу.

— А в кассе он под инвалида косил, — сообщил кто-то. — Но без нее.

— Тихо, тихо. — Нашелся и разумный. — Это вам не шуточки.

А кто-то просто заголосил. На высокой ноте.

Если это не остановить сейчас, может случиться непоправимое, Стычкин знал это по опыту.

— Молчать!!! — заорал он. Заметил, как усмехнулась Настя, одними уголками губ.

Выстрелил взглядом в секьюрити. — Уйми их, быстро!

Тот подхватил эстафету мгновенно:

— Служба безопасности! Всем сохранять спокойствие! Неукоснительно подчиняться этому товарищу, ясно?! — Для острастки он бросил руку к кобуре, но вынимать оружие не стал — и это тоже грамотно, невольно подумал Стычкин. Успели вовремя. Возымело. Музейная атмосфера реанимирована. Теперь можно и с бывшей попутчицей «помиловаться». Глаза в глаза.

— Давай, — сказал Стычкин. — Говори, что надо делать.

— Пусть откроют двери, — сказала она.

Он сделал движение головой.

Секьюрити повторил его.

Машинист скрылся в глубине кабины.

В тамбуре зашипела, отворяясь, дверь.

— Дальше, — сказал Стычкин.

— Пусть все отойдут.

Ему даже смотреть не понадобилось. Проход до тамбура расчистили в считанные секунды — вжались в окна, в простенки между ними.

— Отойди и ты.

Отошел и он. Туда, где они с ней сидели еще совсем недавно.

— Пусть никто не двигается, — сказала она.

— А никто и не двигается, — сказал он.

Она двинулась по направлению к тамбуру. Натянутая, как струна. Медленно, контролируя и себя, и окружающих, и руку в сумке, и Стычкина. Шаг, второй, третий, шестой... Она почти у тамбура.

— Эй, — негромко окликнул ее Стычкин. Настя придержала шаг, обернулась.

Глава 46

Передняя «Волга», «Фольксваген»

Кавтарадзе отшвырнул трубку как змею.

— Разворачивайся! — крикнул он. — Жми обратно! К переезду!

В «фольксвагене» опешили. Только что «Волги», идущие впереди, повернули направо, за угол — и вдруг выскочили оттуда же, на полной скорости помчались обратно, пролетели мимо, окатив «фольксваген» двумя шумовыми всплесками, растворились за клубами самими же поднятой пыли.

Водитель неспешно нажал на тормоза.

— Не понял, — сказал Егор, глядя туда, где кроме пыли ничего уже не было. — Что будем делать?

— Если снова гонять за ними, то я лучше выйду, — сказала Наташа.

— Тогда поедем, как ехали, — сказал Егор. Подперся аргументом. — Зачем нам они? Нам поезд нужен.

Глава 47

Поезд

— Зачем тебе все это? — спросил Стычкин. — Зачем?

Она удивилась. Даже поморгала ресницами.

— Я же тебе объясняла уже. — Она смотрела на него, как на несмышленыша. — Не бывает так, чтоб кому-то одному было очень плохо, а все вокруг были не виноваты.

— Настя, — Стычкин качнул головой. — Виноватые в электричках не ездят.

Она улыбнулась. Понятно, что несмышленыш, но не до такой же степени.

— Ездят, — сказала она. — Ходят, бегают, сидят, стоят. Они везде. Куда ни посмотреть. — Она помолчала, будто надеялась, что Стычкин вспомнит сам. То, что она напомнит ему сейчас. — Эти скинхеды убили его в метро.

Она перестала улыбаться. Уголки губ опустились. На глаза набежала поволока — еще недавно так умилявшая Стычкина.

— Виноватые везде, — сказала она жестко. Медленно оглядела всех, кто находился в вагоне, словно еще раз хотела утвердить себя в этом убеждении. Повторила. — Везде.

И исчезла. Очень быстро, почти мистически.

Стычкин рванулся в тамбур.

Она стояла напротив подножки, на насыпи. Молча, — рука по-прежнему в пакете, — смотрела на него.

— У тебя просто шок, — сказал Стычкин. — Долговременный шок, от мощной психологической травмы, так бывает. И это проходит, это рано или поздно проходит, просто ты сама должна очень захотеть, чтобы это прошло... Еще не поздно, Настя. Сделай усилие, ты сможешь, сделай над собой усилие и постарайся понять, что ты просто не ведаешь, что творишь... Пожалуйста, Настя.

У нее в лице не дрогнуло ничего.

— Уезжай, — сказала она.

Стычкин обернулся. В дверях, ведущих в вагон, стоял секьюрити, невидимый для Насти, но готовый прийти на помощь, с оружием в руке.

— Скажи, чтоб трогали, — сказал Стычкин.

Секьюрити махнул рукой машинисту. Или помощнику.

А Стычкин вновь повернулся к Насте.

— Ты воевал? — вдруг спросила она.

— Нет, — сказал он. — Но смерти в глаза смотрел.

Колеса двинулись, створки дверей пошли навстречу друг другу. — Ну тогда посмотри еще раз, — сказала Настя, не мигая глядя на Стычкина. Створки перед ним сомкнулись.

Глава 48

ЦОСС

Теперь группа зеленых точек перемещалась обратно, к первой точке. Но она вдруг замигала и медленно продолжила движение.

— Готовность номер один, — приказал генерал. Но это относилось не к тем, кто сейчас находился в техническом помещении.

Глава 49

Аэропорт «Домодедово». Железнодорожный перрон

Это относилось к тем, кто должен был встретить поезд в Домодедово и находился сейчас на перроне и вокруг него.

Маялись в ожидании десятка три пассажиров. Скучали носильщики со своими тележками. Продавцы цветов ждали новых покупателей. Наряд милиции в составе трех человек готов был приступить к визуальному рентгену вновь прибывших пассажиров.

И у всех у них без исключения были спрятаны в ушах крошечные наушники. Сейчас в них прозвучало:

— Я первый, я первый, поезд прибывает через четыре минуты. Готовность номер один. Все подобрались — и пассажиры, и носильщики, и продавцы, и милиционеры.

Правильнее было бы взять их в кавычки.

Потому что никто из них таковым не являлся.

— Повторяю, готовность номер один. Всем занять исходные позиции. Повторяю, всем занять...

Глава 50

Вне поезда. «Волги». Террористка

До переезда «Волги» не доехали — получили новую информацию. Вновь остановились, резко, прочертив черные полосы на асфальте. Вновь развернулись. Вновь помчались обратно.

Теперь серебристый «фольксваген» маячил не позади них, а впереди. Но они очень быстро стали сокращать расстояние до него. На то и усиленные движки. Как только последний вагон проплыл мимо нее, Настя пересекла насыпь. Впереди, за небольшим пустырем, покрытым талым снегом, сквозь который пробивалась жухлая трава, виднелись жилые дома, в просвете между ними мелькали автомобили — дорога. Туда Настя и направилась — быстро, почти бегом.

Но прежде выкинула уже ненужный ей белый полиэтиленовый пакет. Со всем содержимым. Выкинула она его резко и высоко, содержимое стало высыпаться из него еще в воздухе — в виде еще одного пакета, свернутого. Но и он раскрылся в полете, а когда шмякнулся оземь, что-то из него выпало, а что-то просто высунулось. Наверное, эти вещи подберет какой-нибудь бомж. Или бомжиха. Тем более, что они в полной целости и сохранности.

Пара женской обуви синего цвета, на пробковой платформе. И небольшая сумка — золотистая такая, с блестками. Бомжиха, наверное, оставит себе. А бомж, разумеется, попытается их сбыть. На кой они ему?

Глава 51

Вместо эпилога

Поезд прибыл в Домодедово почти по расписанию.

Перрон был непривычно пуст. Это и понятно — ненастоящие пассажиры по команде начальства покинули его, а настоящие пока не подтянулись.

Сотрудник и две сотрудницы службы безопасности Павелецкого вокзала вышли на перрон и закурили. Вернее, закурили двое, а третьей не дали, подруга вынула сигарету у нее прямо изо рта и выбросила — негоже курить, когда будущего человека под сердцем носишь. Мимо, в одинаковых униформах, прошли две уборщицы аэропорта — или технички, как они числятся в штатном расписании. Одна из них проворчала:

— Курют, курют... Везде курют.

Другая всплеснула руками:

— Дак ты ж сама куришь! Ну ты, мать, даешь. Воистину, пока ворон ворону глаз не выклюет...

— А тебе абы мне поперек чего-нибудь сказать...

В общем, они шли и переругивались по своему обыкновению.

В техническом помещении ЦОСС тоже было немноголюдно, почти все разошлись по своим рабочим местам.

Старший лейтенант Дроздецкая сидела за столиком и бессмысленно нажимала на какие-то кнопки. Система была отключена, кнопки не действовали. На электронной карте мигали крошечные лампочки трех разных цветов. Совсем недавно две из них погасли. Одна погасла сама, потому что был уничтожен источник контакта — мобильный телефон. Другую, в соответствии со служебным уставом, отключил техник — оператор, в связи с гибелью сотрудника, старшего опергруппы.

— Черепушка горит, прямо, — сказал одутловатый и показал генералу, где именно она у него горит. — Давление.

— Поезжайте домой, — посоветовал генерал, ему сейчас хотелось остаться одному.

— Я к врачу своему съезжу. Сделаю укол — и обратно. Бумаг у меня накопилось — не счесть.

— Бумаги, оно конечно, — сказал генерал и пошел в коридор.

Там к нему пристроился Ершов.

— Юрий Александрович, разрешите?

— Слушаю.

— Я собирался сказать об этом сегодня же капитану Стычкину, но... Поэтому хочу сказать вам.

Генерал остановился. Выжидательно посмотрел на капитана.

— Дело в том... — Ершову было сейчас непросто. — Короче, в тот день... В общем, отца я отвез в больницу утром, а суд чести состоялся в конце рабочего дня. — Он заставил себя посмотреть собеседнику в глаза. — Я не пришел потому, что смалодушничал.

У генерала Кузнечика Юрия Александровича были две устоявшиеся привычки — пожевывать губами и ставить в конце фразы слово «бывает».

Сейчас он употребил обе.

— Вы, Сергей Сергеевич, — отменный офицер. Это мое личное мнение, — сказал он. — А касательно вашего признания... — Генерал пожевал губами. — Тут вы... Опоздали вы тут. Попросту говоря. Бывает.

Он двинулся по коридору дальше.

Ершов потоптался и пошел в отдел кадров.

Кадровичка Ольга Юльевна сидела за своим столом и абсолютно ничего не делала.

— Вы приказ подготовили? — спросил капитан.

— Успею, — сказала она и закурила, хотя давно и самолично повесила в этом кабинете табличку, категорически воспрещающую это занятие.

— Это важно, — сказал Ершов. — Мать сможет пенсию получать.

— Сашкина подпись нужна, — сказала она. — Об ознакомлении с приказом. Ершов в своей жизни никогда и ничего не подделывал. Даже подумать об этом не позволил бы себе, наверное.

— Я подпишу, — тихо сказал он и покраснел. — Я знаю его подпись.

— Не орите мне тут, — совершенно немотивированно сказала она. — Сама подпишу.

Капитан сел на первый подвернувшийся стул и заплакал.

Навзрыд, не таясь, не вытирая слез.

В приемной генерала встречал помощник. Стоя, как и положено.

— Я выяснил, Юрий Александрович, — сообщил он. И понял, что начальник не понимает, о чем речь. — «Звездная очанка», — пояснил он. — Это лекарство такое. Супруга ваша просила, для своей сестры.

Генерал пошел в свой кабинет.

Помощник удивился тому, как осторожно и медленно он затворял за собой дверь. Будто входил в палату к тяжелобольному. Который к тому же еще и спит.

По залу ожидания Ленинградского вокзала шагали бритоголовые парни, человек десять — двенадцать, почти все — в кожаных куртках, почти все — в темных очках, почти все — с серьгами в ушах. Они шли в ряд, пожевывали резинку, громко, весело переговаривались и никого не трогали. Но и дорогу никому не уступали.

Бывший бомж Алитет посторонился, пропуская их.

Вышел к поездам, отыскал взглядом свой состав, медленно направился к нему — времени было еще предостаточно.

Увидел милицейский наряд. Они шагнули к нему, он понял, вытащил документы, протянул им.

Прямо рядом с ними, на двух металлических стойках, вбитых в перрон, был закреплен большой рекламный щит.

На нем было написано: «ПОЗВОНИ 02! СВЯЖИ ТЕРРОРИСТАМ РУКИ!»

Алитет усмехнулся. Затем взглянул в глаза проверяющим — каждому в отдельности.

Ему вернули документы, откозыряли:

— Счастливого пути.

Он не ответил. Направился к своему вагону.

Вагон был из самых современных. Мягкие, как в самолете, кресла. С откидными спинками. Один ряд — лицом к движению, другой — наоборот. Если ты не один, можно сесть лицом друг к другу и видеть глаза собеседника.

Алитет сел на свое место у окна.

Возле него остановилась тележка.

— Свежие газеты, журналы, — сказали ему.

Он не ответил, тележку покатили дальше.

Алитет опустил голову, задумался о чем-то.

А потом увидел две пары ног — одну, обутую в черные лакированные ботинки, а другую — в белые кроссовки.

Бывший бомж поднял глаза.

Перед ним сидели двое — пожилой и молодой. У обоих были нахмуренные озабоченные лица.

Если мы знали бы их язык, то услышали бы следующий разговор.

— Ну что? — усмехнулся Алитет. — Не получилось?

— Да, — кивнул пожилой. — Так, как мы задумали, — не получилось.

Молодой подался вперед, к Алитету, виновато улыбнулся:

— Дело в том, что...

— Заткнись, — оборвал его Алитет, не удостоив даже взглядом. — Я добровольно взвалил на себя самую тяжелую часть операции. Я вот этими ногами пошел к ним в логово. Я мог не вернуться оттуда.

— На все воля Всевышнего, — сказал пожилой.

— Нет, — отрезал Алитет. — На все воля людей. Этим миром управляют конкретные, вполне реальные люди. Все — от них. И добро, и зло. Все.

Пожилой не мог с этим согласиться. Но и возразить сейчас не мог. Поэтому он промолчал.

Вагоны мягко ткнулись друг в друга, и поезд поехал.

По лицам спящих побежали и свет, и тени — вперемешку.

— Ничего, — сказал Алитет и устало провел ладонью по лицу. — В Петербурге у нас тоже будет много работы.

Поезд начал стремительно набирать скорость.

— С этим репортажем должен был выйти в эфир наш коллега Егор Караваев. Но по понятным всем нам причинам... — тут телеведущий сделал паузу — нет, не продуманную, как обычно. Естественную, просто у него и вправду перехватило дыхание, он вспомнил Наташу, — ... он не сможет этого сделать. И обо всем, что случилось, попытаюсь вам рассказать я. — Следующая пауза была чисто производственной. — Готово?

— Готово, — ответили ему. — Теперь — Аркадий Степанович.

К микрофону вышел тучный молодой мужчина, положил на пюпитр бумагу с коротким текстом.

— Поехали, — скомандовали ему.

— Это случилось на железнодорожной трассе Павелецкий вокзал — аэропорт Домодедово. Мы были в шаге от трагедии, — продекламировал мужчина, у него был хорошо поставленный баритон, он говорил с придыханием, выдерживая между фразами интригующие интервалы. — Наши корреспонденты видели все собственными глазами. Сегодня. В девятнадцать ноль — ноль. На нашем канале.

— Отлично, — сказали ему. — Монтируем анонс.

Это была тон-студия. Небольшое освещенное помещение, со стульями и микрофонами, отгороженное от пульта звуконепроницаемым стеклом. За стеклом было темно, режиссер, звукооператор и еще кто-то угадывались лишь силуэтами. Чтоб попасть туда, нужно было выйти в одну дверь и зайти в другую.

Телеведущий так и сделал. Но он не зашел, он ворвался, толкнув дверь ударом кулака.

— Отлично, да?- спросил он. — Все у вас отлично, да? Что вы тут херачите вообще? — У него в кармане зазвонил мобильник, и это почему-то послужило для него последней каплей, он сорвался на крик. — Кто вообще пишет эти мудацкие тексты?! «Мы были в шаге от трагедии»! Почему — в шаге?! Там люди погибли, е... вашу мать! Там наша коллега погибла! Может, я просто не знаю?! Может, шкала есть какая особая! Утвержденная постановлением партии и правительства! Вот до сих не трагедия, а от сих трагедия, так, что ли?!

Он повернулся и пошел в коридор.

Ассистентка увязалась за ним.

Мобильник продолжал звонить.

Телеведущий остановился. Взглянул на свою помощницу, у нее были заплаканные глаза.

— Мобильник, — сказала она. Просто, чтобы не молчать. Шмыгнула носом.

— Тошно, — сказал ведущий. — Можем напиться, если хочешь.

— Хочу, — сказала она. — Но не можем. В семь эфир.

Мобильник на пару секунд умолк и зазвонил снова.

— Слушаю, — сказал ведущий. Мрачно кивнул. — Да, понял. Иду.

Спустя три минуты он вышел из здания телекомпании, миновал оживленный перекресток и свернул в узкий, малолюдный переулок. Сел в неприметный, неопределенного цвета «Жигуль».

— Как договорились. — Он протянул водителю свернутую в трубочку пачку стодолларовых купюр. — Можете не пересчитывать, Борман. Его — пока невидимый — собеседник издал какой — то звук. Хмыкнул, скорее всего.

— Наедине и по имени — отчеству можно, — сказал он.

— А я их не помню, — зло сказал телеведущий. Он вынужден был иметь дело с продажными, но сам, по совести говоря, таковым не был. Поэтому контакт с ними его всегда тяготил. — Сами ведь велели забыть.

— Ну-ну, — как бы согласился собеседник.

— Не будете пересчитывать?

— Я вам верю.

— Всегда ваш, — покидая машину, по привычке сказал телеведущий, но сейчас это прозвучало как брань.

Оставшись один, одутловатый все-таки пересчитал деньги. Держа их где-то внизу, под коленями, чтоб ненароком не увидели с улицы. И прошептывая цифры, чтоб не сбиться со счета.

Ему активно не понравилось, что деньги были свернуты в трубочку. Так носят деньги американцы, он это видел в фильмах. А одутловатый на дух не переносил — ни американцев, ни, тем паче, подражание им.

Он был стойким приверженцем других традиций. Советских. Правда, той страны уже давно не было.

Но ведь традиции можно сохранять. И блюсти.

Одутловатый блюл.

Главы государств фотографировались. Все вместе.

Они были одеты в тюбетейки и чапаны — узбекские национальные халаты, с красивыми восточными узорами и цветами, расшитыми вручную золотыми и серебряными нитями.

Это была новая традиция, заложенная несколько лет назад, — фотографироваться в национальном наряде той страны, где проходит саммит.

Сразу после этого президент России подошел к секретарю Совбеза, ожидающему его в стороне. Президент уже знал, что в целом все обошлось. Поэтому он лишь спросил:

— Потери есть?

— Незначительные. — успокоил его секретарь Совбеза.

Президент хотел спросить что — то еще — возможно о каких-то подробностях, но увидел прямо перед своим лицом крупную гроздь винограда.

Это к нему подкрался сзади премьер-министр Италии, выделяющийся среди глав государств своей почти детской непосредственностью.

— Ви-но-град. — сказал он по слогам, но зато по-русски.

И захохотал.

Требовался ответный смех. И по протоколу, да и просто по-человечески. Премьер ведь не знал о чем они тут беседовали. Он просто хотел угостить своего коллегу виноградом.

Президент засмеялся. Нормальным смехом, очень похожим на настоящий.

По-дружески приобнял премьера.

И они стали прохаживаться по залу, беседуя и пожевывая виноград.

А с площади Павелецкого вокзала эвакуатор увозил новенькую синюю «Ладу» — автомобиль, который не проходил ни по одной базе данных, поскольку его владелец со специального учета снял, а на обычный так и не поставил, руки не дошли.

Эвакуатор продвигался медленно, из-за своих габаритов ему было трудно лавировать в автомобильном потоке.

Очень странно повела себя машина, которую он увозил.

Что только с ней не делали сегодня — раскурочивали, вскрывали замки, облазили всю, потом грузили на эвакуатор — и все это время охранная сигнализация не сработала ни разу.

А вот сейчас, когда ее начали увозить, она вдруг завыла. Тоскливо, протяжно, совсем не по-автомобильному, как будто это была не машина, а...

Впрочем, воздержимся от банальных сравнений.

Тем более, что владелец этой машины, капитан спецслужб Александр Стычкин их терпеть не мог.

ЯНВАРЬ. 2005. МОСКВА.

Литература

[1] http://www.zerkalo.az/print.php?id=9196

[2] http://www.zerkalo.az/print.php?id=9509

[3] http://www.zerkalo.az/print.php?id=9849

[4] http://www.zerkalo.az/print.php?id=10082

[5] http://www.zerkalo.az/print.php?id=10377

[6] http://www.zerkalo.az/print.php?id=10716

[7] http://www.zerkalo.az/print.php?id=11032

[8] http://www.zerkalo.az/print.php?id=11428

[9] http://www.zerkalo.az/print.php?id=12035